

Дженни Хан С ЛЮБОВЬЮ, Капа Джин

Продолжение
бестселлеров
«Всем парням,
которых я любила»
и «P.S. Я все еще
люблю тебя»

Вместе и навсегда

Дженни Хан

С любовью, Лара Джин

«АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хан Д.

С любовью, Лара Джин / Д. Хан — «АСТ», 2017 — (Вместе и навсегда)

ISBN 978-5-17-983183-9

Лара Джин счастлива, потому что в ее жизни наконец все идет по плану: не за горами выпускной, а осенью они с Питером, ее парнем, вместе поедут учиться в колледж ее мечты, расположенный совсем недалеко от дома. Ей даже не придется скучать по близким, ведь каждые выходные она сможет проводить с семьей и печь шоколадное печенье для сестренки Китти. Все складывается как нельзя удачнее, остается только получить подтверждение из колледжа... Но неожиданные новости разрушают идеальный план, и теперь Лара Джин должна придумать новый способ остаться рядом с Питером и своей семьей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-983183-9

© Хан Д., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	37
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дженни Хан С любовью, Лара Джин

Jenny Han

ALWAYS AND FOREVER, LARA JEAN

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Folio Literary Management, LLC
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Text copyright © 2017 by Jenny Han

© О. Бурмакова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

МНЕ НРАВИТСЯ СМОТРЕТЬ НА ПИТЕРА, когда он не видит. Я люблю четкой линией челюсти, изгибом скулы. В его лице есть что-то открытое, невинное, милое... И оно сильно цепляет меня за душу.

Сегодня вечер пятницы, у нас посиделки в доме Гейба Ривьеры после матча по лакроссу¹. Наша школа выиграла, так что настроение у всех приподнятое, особенно у Питера: он забил победный гол. Теперь он в другом конце комнаты играет в покер. Откинулся на стуле, балансируя на задних ножках. Волосы у него все еще мокрые после душа. Рядом со мной на диване мои друзья – Лукас Крапф и Пэмми Сабкофф – листают последний выпуск журнала «Тин Вог» и обсуждают, стоит ли Пэмми обрезать челку.

– Ты что думаешь, Лара Джин? – спрашивает Пэмми, перебирая морковно-рыжие волосы. Мы подружились недавно. Познакомились, потому что Пэмми встречается с близким другом Питера, Дэррилом. У нее круглое кукольное личико, а щеки и плечи усыпаны мелкими веснушками.

– Э-э-э... я думаю, что челка – это серьезное решение, и сгоряча его принимать нельзя. В зависимости от того, как быстро у тебя растут волосы, отрастать она может целый год, а то и дольше. Но если ты настроена серьезно, лучше подождать до осени, потому что лето уже на носу, а в жару челка липнет к потной коже и мешает...

Я снова смотрю на Питера, он замечает это и вопросительно приподнимает брови. Я только с улыбкой качаю головой.

– Значит, не обрезать?

У меня в сумочке жужжит телефон. Это Питер.

Хочешь уйти?

Нет.

Тогда почему на меня смотришь?

Просто захотелось.

Лукас читает сообщения через мое плечо. Я его отталкиваю, и он качает головой:

– Серьезно? Вы пишете эсэмэски, хотя сидите в одной комнате?

Пэмми делает гримаску:

– Это так мило.

Я не успеваю ответить, потому что Питер пересекает комнату и подходит к нам:

– Пора отвезти мою девушку домой, – сообщает он.

– Который час? – спрашиваю я. – Уже так поздно?

Питер помогает мне подняться с дивана, подает куртку и ведет меня за руку на улицу. Я оглядываюсь через плечо, чтобы помахать остальным:

– Пока, Лукас! Пока, Пэмми! Кстати, челка тебе пойдет!

– Куда ты так несешься? – спрашиваю я у Питера, который быстро тащит меня через двор к припаркованной у тротуара машине. Он останавливается рядом с ней, одним движением притягивает меня к себе и целует.

– Не могу сосредоточиться на картах, когда ты на меня так смотришь, Кави.

– Извини... – начинаю я, но он снова целует, крепко обнимая меня.

Сев в машину, я смотрю на часы на приборной доске: еще только полночь.

---

¹ Контактная спортивная игра между двумя командами с использованием небольшого резинового мяча и клюшки с длинной рукояткой.

– Мне еще час можно гулять. Чем займемся?

Из всех моих знакомых мне одной нельзя гулять сколько хочется. В час ночи я превращаюсь в тыкву. Все уже привыкли, что девушка Питера Кавински – хорошая девочка и в час должна быть дома. Меня это не беспокоит. Я ничего особенного не теряю. Как там говорят? Ничего хорошего не происходит после двух часов ночи. Разве что можно смотреть, как кто-нибудь часами жонглирует бумажными стаканчиками. Но я предпочитаю переодеться в пижаму, выпить чашку «засыпай-чая» и устроиться с книжкой в постели.

– Поехали к тебе домой. Я зайду, поздороваюсь с твоим папой, посижу с тобой еще немного. Досмотрим «Чужих».

Мы с Питером смотрим кино по списку, в который входят мои любимые фильмы, которые он не видел, его любимые фильмы, которые не видела я, и фильмы, которые ни один из нас не смотрел. «Чужих» предложил Питер, и мне понравилось. И хотя когда-то Питер утверждал, что не любит романтические комедии, «Неспящие в Сиэтле» пришлись ему по душе – к моему огромному облегчению, потому что я не знаю, как встречаться с человеком, которому не нравятся «Неспящие в Сиэтле».

– Не хочу пока домой, – отвечаю я. – Поехали куда-нибудь еще.

Питер минуту размышляет, постукивая пальцами по рулю, а потом говорит:

– Я знаю, куда.

– Куда?

– Сюрприз, – говорит он и опускает окна: свежий ночной воздух наполняет машину.

Я откидываюсь на сиденье. Улицы пусты, в большинстве домов темно.

– Дай угадаю. Мы едем в закусную, потому что ты хочешь оладьи с голубикой.

– Нет.

– Хм. Для «Старбакса» поздно, «Бисквит Соул Фуд» уже закрыт...

– Эй, я думаю не только о еде! – возмущается он и сразу добавляет: – У тебя еще осталось печенье?

– С собой нет, но дома должно быть, если Китти не доела.

Я высовываю руку в окно. Скоро закончатся прохладные ночи, когда еще нужно надевать куртку.

Краем глаза я рассматриваю профиль Питера. Иногда мне не верится, что он мой. Самый красивый парень на свете – мой, весь мой.

– Что такое? – спрашивает он.

– Ничего.

Десять минут спустя мы въезжаем в кампус университета штата Вирджиния. Кампусом его никто не называет, а называют территорией. Для вечера пятницы в студенческом городке тут необычно тихо, но сейчас в университете каникулы, и многие разъехались.

Мы гуляем по газону, взявшись за руки. Внезапно меня охватывает волна паники. Я останавливаюсь на месте и спрашиваю:

– Это же не плохая примета? Приезжать в университет до того, как я поступила?

Питер смеется.

– Это же не свадьба. Университет тебе не жених.

– Тебе легко говорить, ты уже поступил.

В прошлом году Питер согласился присоединиться к университетской команде по лакроссу и осенью подал документы. Как это обычно бывает у спортсменов, его принимали автоматически, главное – чтобы оценки оставались приличными. В январе он получил официальное подтверждение. Его мама устроила вечеринку, и я испекла пирог с надписью из желтой глазури «Мои таланты – университету Вирджинии».

Питер тянет меня за руку:

– Пойдем, Кави. Мы сами определяем свою удачу. К тому же мы сюда уже приезжали два месяца назад, на концерт в центре Миллера.

– Ах да. – Я расслабляюсь.

Мы идем по лужайке, и теперь я знаю, куда. К Ротунде, посидеть на ступенях. Ротунду построил Томас Джефферсон², основатель университета, по образу и подобию Пантеона – с белыми колоннами и большим куполом. Питер взбегает по ступеням, как Рокки³, и плюхается на самую верхнюю. Я сажусь перед ним, откидываюсь ему на грудь.

– Ты знаешь, – начинаю я, – что одна из уникальных характеристик кампуса университета Вирджинии – то, что в самой его середине, прямо здесь, в Ротунде, находится не церковь, а библиотека? Потому что Джефферсон считал, что религия не должна вмешиваться в образование.

– Ты это прочитала в брошюре? – поддразнивает меня Питер, целуя в шею. Я сладко вздыхаю и отвечаю:

– Нет, это рассказывали на экскурсии по кампусу в прошлом году.

– Ты не рассказывала, что ходила на экскурсию. Зачем? Ты же тут живешь! Ты миллион раз здесь была!

Так и есть. Все мое детство прошло здесь. Пока мама была жива, мы ходили на выступления «Хуллубау»⁴, потому что ей нравилось пение а капелла. Наш семейный портрет сделан на фоне кампуса. Если выходные выдавались солнечными, после посещения церкви мы устраивали здесь пикник.

Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на Питера.

– Я пошла на экскурсию, потому что хотела узнать об университете все! Все, что нельзя узнать, просто живя рядом. Например... знаешь, в каком году они начали принимать женщин?

Питер чешет затылок.

– Э-э-э... не знаю. Когда университет основан? В начале XIX века? Тогда женщин стали принимать... в начале двадцатого?

– Нет. В 1970-м. – Я снова отворачиваюсь и смотрю на раскинувшийся перед нами кампус. – Через сто пятьдесят лет после основания.

– Ух ты, – заинтригованно говорит Питер, – с ума сойти. Расскажи еще что-нибудь.

– Университет штата Вирджиния – единственное образовательное учреждение в США, которое включено в список Всемирного наследия ЮНЕСКО... – начинаю я.

– Стой, стой, я имел в виду не про университет, – перебивает Питер. Я шлепаю его по колену. – Расскажи лучше, чего больше всего ждешь от учебы здесь.

– Ты первый. Чего ты ждешь?

Питер отвечает не задумываясь:

– Как буду бегать с тобой по газонам нагишом.

– Серьезно? Предвкушаешь пробежки нагишом? Имей в виду, я этого делать не буду, – торопливо добавляю я.

Он смеется.

– Это традиция университета Вирджинии. Я думал, что ты ценишь традиции.

– Питер!

– Я шучу. – Он наклоняется вперед, обнимает меня за плечи и трется носом о шею, как любит делать. – Твоя очередь.

На минуту я погрузилась в фантазии. Если меня примут, чего я жду больше всего? Так много идей... Как буду каждое утро есть вафли вместе с Питером в столовой. Как зимой мы

---

² Томас Джефферсон (1743–1826) – политик и философ, третий президент США.

³ Рокки – персонаж одноименного фильма 1976 года.

⁴ Студенческий мужской ансамбль а капелла в университете штата Вирджиния.

будем кататься на санках с Обзорного холма. Устраивать пикники в теплые дни. Разговаривать ночи напролет, а потом просыпаться вместе. Затеять стирку посреди ночи и срываться в поездки в последний момент... В конце концов я говорю:

– Не хочу сглазить.

– Ну же!

– Ладно, ладно. Больше всего я жду того, что... смогу ходить в Зал Макгрегора, когда захочу.

Многие называют этот зал «комнатой Гарри Поттера», потому что там ковры, канделябры, кожаные кресла и портреты на стенах. На полках от пола до потолка за металлическими решетками стоят книги, словно бесценные артефакты. Эта комната из другой эпохи. В ней тихо разговаривают, даже с благоговением. Одним летом – мне тогда было лет пять-шесть, а Китти еще не родилась, – мама проходила курс обучения в университете и часто занималась в Зале Макгрегора. Мы с Марго сидели с ней, рисовали или читали. Мама называла зал «волшебной библиотекой», потому что мы с Марго там никогда не ссорились. Мы вели себя тихо, как мышки. Серьезные взрослые, сидевшие вокруг, вызывали у нас священный восторг.

Питер выглядит разочарованным. Он наверняка рассчитывал, что я представляю что-то связанное с ним. Но мне почему-то хотелось оставить эти надежды при себе.

– Ты тоже можешь туда приходить, – говорю я. – Но ты должен пообещать вести себя тихо.

Он тепло говорит:

– Лара Джин, только ты можешь мечтать о библиотеке.

Если судить, например, по Pinterest⁵, очень многие хотели бы проводить время в такой красивой библиотеке. Но среди знакомых Питера таких нет. Он считает меня необычной. Я не собираюсь его разочаровывать и открывать глаза на то, как много людей хочет сидеть дома, делать печенье, заниматься скрапбукингом и ходить в библиотеку. Конечно, большинству из них за пятьдесят... но все равно. Мне нравится, как он на меня смотрит: словно я лесная нимфа, которую он однажды встретил и не мог не забрать к себе домой.

Питер вынимает телефон из кармана толстовки.

– Половина первого. Скоро нужно будет ехать.

– Уже? – вздыхаю я.

Мне нравится приезжать в университет ночью. Как будто весь кампус принадлежит нам двоим.

Университет Вирджинии всегда был в моем сердце. Я не планировала ехать учиться куда-нибудь еще. Я собиралась подавать документы заранее, осенью, одновременно с Питером, но школьный психолог миссис Дюваль посоветовала этого не делать, потому что лучше показать комиссии оценки за полугодие. По ее словам, всегда лучше отразить в документах свои самые высокие достижения.

В результате я подала документы в пять университетов: Вирджинии, Уильяма и Мэри, Ричмондский и имени Джеймса Мэдисона. Все в моем штате. В университет Вирджинии сложно поступить, но зато он в пятнадцати минутах от дома. В университет Уильяма и Мэри тоже поступить непросто и ехать до него два часа. Ричмондский и университет имени Джеймса Мэдисона попроще и оба в часе езды. Миссис Дюваль уговорила подать документы хотя бы в один университет за пределами штата, просто на всякий случай. И я отправила их в университет Северной Каролины в Чапел-Хилл. У них сильная программа общеобразовательных наук, и от дома он недалеко.

---

⁵ Pinterest – социальный интернет-сервис, позволяющий пользователям добавлять в режиме онлайн изображения, помещать их в тематические коллекции и делиться ими с другими пользователями.

Но я бы все равно выбрала университет Вирджинии. Я хочу остаться дома, для меня университет Вирджинии и есть дом. В этом я не похожа на старшую сестру: это она мечтала уехать подальше. Она всегда хотела повидать мир. И, конечно, есть еще Питер...

Мы сидим еще немного: я рассказываю интересные факты об университете, а Питер подшучивает над тем, сколько я знаю. А потом отвозит меня домой. Когда мы останавливаемся перед темным крыльцом, до часа остается несколько минут. В спальне папы горит свет. Он не ложится спать, пока я не вернусь. Я собираюсь выходить, но Питер протягивает руку и останавливает меня.

– Сначала поцелуй на ночь, – заявляет он.

Я смеюсь.

– Питер, мне надо идти!

Он упрямо закрывает глаза и ждет. Я наклоняюсь и коротко целую его в губы.

– Ну вот. Доволен?

– Нет.

Он целует меня сам так, словно у нас есть все время мира, и говорит:

– Что будет, если я вернусь, когда все заснут, и останусь на ночь? И уйду рано утром?

До рассвета?

Я с улыбкой отвечаю:

– Этого делать нельзя, так что мы не узнаем, что будет.

– Но что если все-таки...

– Папа меня убьет.

– Не убьет.

– Убьет тебя.

– Не убьет.

– Не убьет, – соглашаюсь я. – Но во мне он будет очень разочарован, а на тебя – сердит.

– Только если нас поймают, – говорит Питер, но без особого напора. Он тоже не хочет рисковать и старается нравиться моему отцу.

– Знаешь, чего я жду больше всего? – Он тянет меня за косичку, прежде чем продолжить. – Того дня, когда нам не придется прощаться на ночь. Ненавижу прощания.

– Я тоже, – отвечаю я.

– Жду не дождусь колледжа.

– Я тоже, – говорю я и целую его еще раз, а потом выпрыгиваю из машины и бегу домой. Я смотрю на ночное небо, луну, звезды и загадываю желание: «Господи, пожалуйста, пусть меня возьмут в университет Вирджинии».

Глава 2

– КАКИМИ БЛЕСТКАМИ МНЕ ПОСЫПАТЬ парик Марии-Антуанетты – розовыми или золотыми? – Я подношу пасхальное яйцо к камере ноутбука, чтобы Марго могла рассмотреть. Оно покрашено в бледный оттенок бирюзового, и сверху декупажом наклеен профиль Марии-Антуанетты.

– Покажи поближе, – говорит Марго, щурясь в камеру. Она в пижаме, на лице косметическая маска. Волосы отросли до плеч, а значит, скоро она их подстрижет. Мне кажется, она теперь все время носит короткие волосы. Ей очень идет.

В Шотландии ночь, а у нас еще день. Между нами пять часов времени и три тысячи пятьсот миль. Марго в своей комнате общежития, а я дома, за кухонным столом, в окружении пасхальных яиц, мисок с краской, стразов, наклеек и пушистых белых перьев, оставшихся от рождественских украшений, которые я делала несколько лет назад. Ноутбук стоит на стопке поваренных книг. Марго составляет мне компанию за украшением яиц.

– Я хочу сделать вокруг портрета рамку из жемчужин, – сообщаю я.

– Тогда лучше розовые блески, – отвечает она, поправляя маску. – Розовый будет ярче.

– Вот и я так думаю.

Я принимаюсь наносить розовые блески на рисунок старой кисточкой для теней. Предполагалось, что мы будем делать это вместе с Китти, как в старые добрые времена, но ее пригласили в дом Мэйделин Клиндер. Приглашение от Мэйделин – событие редкое и торжественное, поэтому я даже не могу обидеться на сестру.

– Ты уже скоро узнаешь?

– В этом месяце.

Я принимаюсь выкладывать жемчужины. С одной стороны, я хочу уже получить ответ, а с другой – я рада, что у меня есть еще время побыть в неизвестности... время надежды.

– Тебя возьмут, – говорит Марго. Это звучит как пророчество.

Все считают, что меня примут в университет Вирджинии без проблем. Все: Питер, Китти, Марго, папа, школьный психолог. Я не решаюсь говорить это вслух, чтобы не сглазить, но... возможно, я тоже так думаю. Я все для этого сделала. Набрала двести баллов в квалификационном тесте. Оценки у меня почти такие же хорошие, как у Марго, а Марго туда приняли. Я сделала все, что нужно было, но достаточно ли этого? Теперь мне остается только ждать и надеяться.

Когда я приклеиваю белый бантик к верхушке яйца, у меня возникает подозрение, и я кошусь на сестру:

– Постой-ка. Если я поступлю в университет Вирджинии, ты не станешь уговаривать меня выбрать другой университет, чтобы я расправила крылья?

Марго смеется, и маска сваливается с ее лица. Она возвращает ее на место и говорит:

– Нет. Я верю, что ты знаешь, что делаешь.

Она говорит правду, я чувствую. Я тоже начинаю в это верить. Верю, что, когда настанет время, я выберу то, что для меня лучше всего. А это университет Вирджинии.

– Один совет, – продолжает Марго. – Найди себе друзей сама. У Питера их будет много, потому что он спортсмен; но его друзья необязательно будут такими людьми, с которыми захочешь дружить ты. Поэтому найди своих друзей, своих людей. Это большой университет.

– Хорошо, – обещаю я.

– И обязательно присоединись к союзу студентов азиатского происхождения. Ты не представляешь, как мне не хватает этого здесь. Знаешь, это ведь здорово: не только учиться, но и разбираться в своей расовой идентичности. Как Тим.

– Какой Тим?

– Тим Монахан из моего класса.

– А-а-а, Тим, – вспоминаю я. Он кореец, но усыновленный. В нашей школе не так уж много азиатов, поэтому мы все друг друга знаем, хотя бы шапочно.

– В школе он никогда не водился с другими азиатами, а потом поступил в технический университет, познакомился с кучей корейцев и теперь, я слышала, президент азиатского братства.

– Ого!

– Хорошо, что в Шотландии братства⁶ не приняты. Ты же не собираешься вступать в сестричество? Если собираешься, я не буду осуждать! – торопливо добавляет она.

– Я об этом не думала.

– Питер наверняка вступит в братство.

– Он тоже об этом ничего не говорил...

Хотя я легко могу представить его в братстве.

– Я слышала, трудно встречаться с парнем из братства, если ты сама не в сестричестве. Постоянные встречи, вечеринки... Проще, если дружишь с девочками из твоего сестричества. Не знаю. Мне все это кажется глупым, но, может, оно того стоит. Говорят, там популярно рукоделие. – Она выразительно шевелит бровями, намекая на мое хобби.

– Кстати, – я поднимаю яйцо к камере, – та-да!

Марго наклоняется поближе, чтобы рассмотреть.

– Ты должна открыть свой бизнес! Покажи остальные.

Я поднимаю коробку с яйцами. В ней дюжина пустых скорлупок: бледно-розовые с неоновыми зигзагами, ярко-голубые с лимонно-желтыми, сиреневые с сушеными бутонами лаванды. Я была рада найти повод использовать лаванду. Несколько месяцев назад я купила целый пакет для лавандового крем-брюле, и с тех пор он занимал место в шкафу.

– Что ты собираешься с ними делать? – спрашивает Марго.

– Отнесу в Бельвю, пусть выставят в приемной. Там всегда мрачно, как в больнице.

Марго откидывается на подушки.

– Как дела у всех в Бельвю?

– Хорошо. Я была так занята подачей документов и учебой, что ходила туда реже, чем раньше. Теперь, когда я больше там официально не работаю, время находить труднее. – Я кручу яйцо в руках. – Это я, наверное, подарю Сторми. Очень в ее стиле. – Отложив яйцо с Марией-Антуанеттой сушиться, я беру сиреневое и принимаюсь украшать его пастельными стразами. – Но я постараюсь навещать их чаще.

– Да, трудно выбирать, – соглашается Марго. – Когда я приеду домой на весенние каникулы, давай съездим туда вместе. Я хочу познакомить Рави со Сторми.

Рави – парень Марго, они встречаются уже полгода. Его родители родом из Индии, но сам он родился в Лондоне, так что произношение у него шикарное. Когда я его услышала по скайпу, то сказала: «Ты говоришь как принц Уильям». Он засмеялся и ответил: «Вот как?». Он на два года старше Марго. Возможно, поэтому, а может, потому, что он англичанин, кажется, что у него изысканные манеры. Он не такой высокомерный, как Джош. Скорее, утонченный. Наверное, потому что он живет в таком огромном городе, ходит в театр, когда хочет, и встречается с политиками: его мама – дипломат. Когда я поделилась впечатлениями с Марго, она посмеялась и сказала, что я просто мало его знаю. На самом деле Рави – ужасный заучка и манеры у него не такие, как у принца Уильяма.

– Не позволяй произношению себя обмануть, – сказала она.

---

⁶ Братства и сестричества – мужские и женские студенческие объединения в колледжах и университетах США.

Рави приедет с ней на весенние каникулы, так что я скоро смогу убедиться в ее словах сама. Предполагается, что Рави проведет у нас две ночи, а потом полетит в Техас навестить родственников. Марго же останется на неделю.

– Я очень хочу с ним познакомиться, – говорю я, и она широко улыбается.

– Он тебе понравится.

Я не сомневаюсь. Мне нравятся все, кто нравится Марго. Но особенно хорошо то, что теперь, когда Марго лучше знает Питера, она видит, что он особенный. А раз с ней будет Рави, мы сможем все вместе сходить на парное свидание.

Мы с сестрой влюблены, и это нас объединяет – не здорово ли?

Глава 3

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО я крашу губы красной, как мак, помадой, которая нравится Сторми, собираю пасхальные яйца в белую корзинку и еду в Бельвью. В приемной я оставляю яйца и болтаю с Шанис. Оказывается, что у них два новых волонтера – студенты из университета Вирджинии. Это усыпляет мое чувство вины за то, что я так редко прихожу.

Попрощавшись с Шанис, я иду к Сторми. На ней оранжевое кимоно и помада в тон. Она восклицает:

– Лара Джин!

Обняв меня, она тут же принимается причитать:

– Ты смотришь на мои корни, да? Знаю, знаю, пора красить волосы.

– Ничего не заметно, – успокаиваю я ее.

От яйца с Марией-Антуанеттой она в восторге. Говорит, что ждет не дождется, чтобы показать его Алисии Ито, своей подруге и сопернице.

– А для Алисии ты яйцо сделала? – спрашивает она.

– Только для тебя, – отвечаю я, и ее бледные глаза сияют.

Мы сидим на диване. Сторми грозит мне пальцем и говорит:

– Твой молодой человек, должно быть, совсем вскружил тебе голову, раз у тебя нет времени меня навещать.

– Извини, – каюсь я. – Я уже подала документы в университет, так что смогу приходить чаще.

– Хм!

Когда Сторми в таком настроении, лучше всего ее уговаривать и очаровывать.

– Я всего лишь следую твоим советам, Сторми.

Она поджигает оранжево-красные губы, пытаясь не улыбаться.

– Конечно, я плохих советов не даю. Слушайся Сторми – и все у тебя будет хорошо. А теперь Расскажи-ка мне сочные подробности.

Я смеюсь:

– В моей жизни нет сочных подробностей.

Она на меня цыкает.

– Разве у вас не планируются танцы?

Когда у нас там выпускной?..

– До мая ничего не будет.

– А платье у тебя уже есть?

– Еще нет.

– Тогда начинай искать. Ты же не хочешь, чтобы оно оказалось на какой-нибудь другой девице. – Она всматривается в мое лицо. – К твоему цвету кожи пойдет розовое.

Внезапно она прищелкивает пальцами, ее глаза загораются.

– Ты мне напомнила! У меня есть для тебя подарок!

Сторми вскакивает и идет в спальню, откуда возвращается с тяжелой бархатной шкатулкой для колец.

Я открываю ее и ахаю. Кольцо с розовым бриллиантом! От ветерана, который потерял ногу на войне.

– Сторми, я не могу это принять.

– Ты просто обязана! Оно создано для тебя.

Я медленно достаю кольцо и надеваю на левую руку. Ох как оно сверкает!

– Какое красивое! Но правда, мне не следует...

– Оно твое, дорогая, – подмигивает Сторми. – Запомни мой совет, Лара Джин: никогда не говори «нет», если на самом деле хочешь сказать «да».

– Тогда – да! Спасибо, Сторми! Обещаю, я буду очень его беречь.

Она целует меня в щеку.

– Не сомневаюсь, милая.

Едва добравшись домой, я кладу кольцо в шкатулку с украшениями.

Вечером я сижу на кухне с Китти и Питером и жду, пока остынет печенье с шоколадной крошкой. В последние несколько недель я пыталась усовершенствовать свой рецепт, а Питер и Китти были моими подопытными. Китти предпочитает плоское печенье с дырочками, а Питер любит мягкое. Мое идеальное печенье должно сочетать и то, и другое: оно должно быть хрустящее, но мягкое, светло-коричневое, но не бледное, объемное, но не пышное.

Я прочитала все посты в блогах, просмотрела разные фотографии: с белым сахаром, со смесью белого и коричневого, с содой, разрыхлителем, со стручками ванили, с ванильным экстрактом, шоколадной крошкой. Я пробовала замораживать тесто в шариках, а потом разминать его стеклом, чтобы кружки получались ровными. Я замораживала его рулетом и потом нарезала. Или лепила печенье и замораживала так. Или замораживала, а потом лепила. Но печенье все равно поднималось слишком сильно.

На этот раз я взяла намного меньше соды, но печенье все равно немного поднялось. Я готова выкинуть всю партию. Конечно, не стану этого делать: глупо тратить продукты впустую. Вместо этого я спрашиваю Китти:

– Ты говорила, что тебя ругали за разговоры во время чтения?

Она кивает.

– Отнеси это учительнице. Скажи, что сама испекла, и извинись.

Мне скоро будет некому скормливать печенье. Я уже угостила им почтальона, водителя школьного автобуса и медсестер в папиной больнице.

– Что ты будешь делать, когда найдешь нужный рецепт? – спрашивает Китти с набитым ртом.

– Да зачем это все? – вторит ей Питер. – Ну будет твое печенье на восемь процентов лучше – какая разница? Это все то же печенье с шоколадной крошкой.

– Я буду наслаждаться осознанием того, что составила рецепт идеального печенья с шоколадной крошкой. И передам его следующему поколению девочек Сонг.

– Или мальчиков, – добавляет Китти.

– Или мальчиков, – соглашаюсь я. – Китти, пойдй наверх и принеси мне большую стеклянную банку для печенья. И ленточку.

Питер спрашивает:

– Принесешь печенье завтра в школу?

– Посмотрим, – отвечаю я, потому что хочу, чтобы он надулся. Мне очень нравится эта его гримаска. Он именно так и делает, и я глажу его по щеке. – Ты как ребенок.

– Тебе нравится? – спрашивает он и утаскивает еще одно печенье. – Пойдем, посмотрим кино? Я обещал маме, что заеду в магазин и помогу передвинуть мебель.

Мама Питера владеет антикварным магазином «Линден и Уайт», и Питер помогает, чем может.

Сегодня, согласно списку, мы смотрим «Ромео + Джульетта» 1996 года с Леонардо ДиКаприо и Клер Дэйнс. Китти уже раз десять его видела, я смотрела по частям, а Питер не смотрел вообще.

Китти притаскивает вниз свое кресло-мешок и устраивается на полу с миской попкорна. Наша собака, светло-золотистый терьер-полукровка по имени Джейми Фокс-Пикл, немед-

ленно плюхается рядом с ней, явно надеясь, что ему перепадут крошки. Мы с Питером садимся на диван и укрываемся шерстяным пледом, который прислала из Шотландии Марго.

Как только на экране появляется Лео в синем костюме, мое сердце начинает биться чаще. Он выглядит как прекрасный ангел с раненой душой.

– Почему он так переживает? – спрашивает Питер, утаскивая горсть попкорна у Китти. – Он же принц или вроде того?

– Он не принц, – отвечаю я. – Просто богатый. И у его семьи большое влияние в этом городе.

– Он парень моей мечты, – собственническим тоном заявляет Китти.

– Сейчас он уже старый, – говорю я, не отводя глаз от экрана. – Почти как папа.

Но все равно...

– Эй, я думал, что это я парень твоей мечты, – говорит Питер. Не мне, а Китти. Про моего парня мечты он знает: это Гилберт Блайт из «Ани из Зеленых Мезонинов». Красивый, верный, умный, хорошо учится.

– Фу, – говорит Китти. – Ты мне как брат.

Питер искренне задет, и я глажу его по плечу.

– Тебе не кажется, что он какой-то тощий? – продолжает он. Я шикаю. Он скрещивает руки на груди.

– Не понимаю, почему вам можно разговаривать во время фильмов, а мне – нет. Так нечестно.

– Это наш дом, – говорит Китти.

– У меня дома твоя сестра все равно на меня шикает!

Мы хором его игнорируем.

В пьесе Ромео и Джульетте было всего тринадцать. В фильме им скорее семнадцать-восемнадцать. Все равно подростки. Откуда они знали, что предназначены друг другу? Как им хватило одного взгляда сквозь аквариум? Они знали, что их любовь стоит того, чтобы за нее умереть? Они просто знали. Они верили. Думаю, разница в том, что тогда люди женились намного раньше, чем сейчас. И «пока смерть не разлучит нас» означало лет пятнадцать-двадцать, потому что умирали тогда тоже раньше.

Но когда их взгляды встречаются, когда Ромео приходит к ней под балкон и признается в любви... я не могу не верить. Хотя знаю, что они едва друг друга знают и что их история закончится, едва начавшись. Настоящие отношения – это повседневность, это решение быть вместе, несмотря на все сложности. Я все равно знаю, что они бы справились, если бы выжили.

Когда начинаются титры, у меня по щекам катятся слезы, и даже Питер выглядит грустным. Но маленькая Китти не склонна к сентиментальности, глаза у нее сухие. Она вскакивает на ноги и сообщает, что ведет Джейми Фокс-Пикла на улицу. Они уходят, а я все сижу на диване, вытирая слезы.

– Они так красиво встретились, – выдыхаю я.

– Что красивого? – Питер теперь лежит на боку, подпирая голову локтем. Он такой хорошенький, что я бы его ущипнула за щеку. Вслух я это, конечно, говорить не буду. У него и так большое самомнение.

– Всегда красиво, когда герой и героиня встречаются впервые, и это вот так... волшебно. Сразу понимаешь, что они будут вместе. И чем красивее встреча, тем лучше.

– Как в «Терминаторе», когда Риз спасает Сару Коннор от Терминатора и говорит: «Пойдем со мной, если хочешь жить». Совершенно потрясающая фраза.

– Ну да, конечно, это красиво... Но я представляла скорее «Это случилось однажды ночью». Надо добавить его в список.

– Это цветной фильм или черно-белый?

– Черно-белый.

Питер со стоном падает обратно на диван.

– Жаль, что мы познакомились не так красиво, – вслух размышляю я.

– Ты поцеловала меня в школьном коридоре. По-моему, очень мило.

– Но мы уже были знакомы, это не считается. – Я хмурюсь. – Я вообще не помню, как мы познакомились. Печально.

– А я помню, как тебя впервые встретил.

– Неправда!

– Эй! Если ты чего-то не помнишь, не значит, что не помню я. Я многое помню.

– Ну ладно, так как мы встретились? – с вызовом спрашиваю я, уверенная, что он меня обманывает.

Питер открывает рот и сразу закрывает.

– Не скажу.

– Ну вот! Даже придумать ничего не можешь.

– Нет, ты не заслуживаешь знать, потому что не веришь мне.

Я закатываю глаза.

– Вот ерунда.

Я выключаю фильм, и мы идем сидеть на крыльце со сладким чаем, который я заварила прошлым вечером. На улице сыро и зябко. Весна почти в разгаре, но еще не совсем. Кизил во дворе только-только начал цвести. Дует приятный ветерок. Мне кажется, я весь вечер могла бы вот так сидеть и смотреть, как качаются ветки и танцуют листья.

У нас еще есть немного времени, прежде чем Питер поедет к маме. Я бы поехала с ним присматривать за кассой, пока он двигает мебель, но когда я приезжала в прошлый раз, мама Питера хмурилась и говорила, что ее магазин – это работа, а не место для подростковых посиделок. Не то чтобы она показывала, что я ей не нравлюсь, и не то чтобы я ей действительно не нравилась. Она все еще не простила меня за то, что в прошлом году я рассталась с Питером. Она добра ко мне, но не доверяет мне. Как будто хочет подождать и посмотреть, не разобью ли я снова сердце ее сына. Я всегда представляла свои отношения с матерью своего первого парня такими, как у Ины Гартен⁷. Мы бы вместе готовили ужин, разговаривали за чаем и играли в «Скрэббл» в дождливые дни.

– О чем задумалась? – спрашивает Питер. – У тебя такое лицо...

Я прикусываю нижнюю губу.

– Я бы хотела больше нравиться твоей маме.

– Ты ей нравишься.

– Питер. – Я выразительно на него смотрю.

– Ну правда! Если бы не нравилась, она не приглашала бы тебя на ужин.

– Она меня приглашает, потому что хочет повидаться с тобой, а не со мной.

– Неправда. – Уверена, что ему это и в голову не приходило, но звучит логично, и он это знает.

– Она хочет, чтобы мы расстались до колледжа, – выдаю я.

– Твоя сестра – тоже.

– Ага! Значит, ты признаешь, что твоя мама хочет, чтобы мы расстались! – Не знаю, чему я так радуюсь.

– Она считает, что не стоит заводить серьезные отношения в таком раннем возрасте. Но я говорю, что, если у них с папой не получилось, это не значит, что у нас тоже не получится. Я совсем не такой, как мой папа. А ты – не моя мама.

Родители Питера развелись, когда он был в шестом классе. Его отец живет в получасе езды с новой женой и двумя маленькими сыновьями. Питер мало о нем говорит. Но в этом

---

⁷ Американский автор кулинарных книг и ведущая программы «Босоногая графиня» на канале Food Network.

году его отец внезапно решил начать с ним общаться: приглашает его на бейсбольные матчи и ужины к себе домой. Пока Питер не поддается.

– Твой отец на тебя похож? – спрашиваю я. – То есть ты на него?

Он недовольно говорит:

– Да. Все это говорят.

Я опускаю голову ему на плечо.

– Тогда он, наверное, очень красивый.

– Был в молодости, – признает Питер. – Теперь я выше него.

В этом мы с Питером похожи: у него есть только мама, а у меня – только папа. Он считает, что мне повезло больше, потому что я потеряла маму, которая меня любила, а его отец бросил семью. Отчасти я с ним согласна: у меня столько хороших воспоминаний о маме, а у него об отце – почти никаких.

Мне нравилось после ванны сидеть, скрестив ноги, перед мамой и смотреть телевизор, пока она расчесывала мне волосы. Помню, Марго терпеть это не могла, потому что нужно было сидеть неподвижно, а вот я любила. Такие воспоминания похожи на отражение в воде: немного размытые по краям, мягкие и сливающиеся в единое целое. Другое мое любимое воспоминание – это когда мы отвозили Марго на уроки фортепьяно, а сами шли втайне от нее есть пломбир с карамелью и клубничным соусом на парковке «Макдоналдса». И мама отдавала мне свои орешки, так что у меня была двойная порция. Я как-то спросила: неужели она их не любит? А она ответила, что меня любит больше, а я их обожаю.

Но, несмотря на все воспоминания, я знаю: даже если бы моя мама была плохой, лучше бы она была жива. Надеюсь, что когда-нибудь Питер поймет это.

– О чем ты думаешь теперь? – спрашивает он.

– О своей маме.

Питер убирает стакан и опускает голову мне на колени. Глядя на меня снизу вверх, он говорит:

– Я бы хотел с ней познакомиться.

– Ты бы ей очень понравился, – отвечаю я, глядя его по волосам, и неуверенно спрашиваю: – Может, я однажды познакомлюсь с твоим отцом?

Его лицо мрачнеет, и теперь я жалею, что подняла эту тему.

– Незачем тебе с ним знакомиться, – говорит он. – Он того не стоит. – Потом он прижимается поближе. – Эй, может, оденемся на этот Хэллоуин как Ромео и Джульетта? В университете Вирджинии все наряжаются, кто во что.

Я прислоняюсь к перилам. Я понимаю, что он переводит тему, но подыгрываю ему.

– Можно как в этом фильме с Лео и Клэйр.

– Ага. – Он тянет меня за косичку. – Я буду твоим рыцарем в сияющих доспехах.

Я касаюсь его волос.

– Ты не согласишься немного отрастить волосы? И, может... покрасить их в светлый? Иначе все решат, что ты просто рыцарь.

Питер так смеется, что, наверное, не успевает дослушать.

– Господи, Кави. Какая ты смешная!

– Я пошутила! – Отчасти. – Но ты же знаешь, я серьезно отношусь к маскарадным костюмам. Зачем вообще братья, если делать только наполовину?

– Ладно. Может, я надену парик, но ничего не обещаю. Это будет наш первый Хэллоуин в университете.

– Я и раньше там была в Хэллоуин. – Как только Марго получила водительские права, мы отвезли Китти играть в «Сладость или гадость»⁸ в кампус. В том году она нарядилась Бэтменом. Может, она снова захочет?

– Я имею в виду, что мы сможем ходить на студенческие вечеринки официально, а не пробираться тайком. Пару лет назад нас с Гейбом оттуда выгнали. Мне никогда в жизни не было так стыдно.

Я удивленно смотрю на него.

– Ты? Ты никогда не стыдишься.

– Вот тогда стыдился! Я пытался флиртовать с девушкой в костюме Клеопатры, и тут старшие ребята подошли и сказали: «Вали отсюда, малек». А она и ее подружки засмеялись... Гады.

Я наклоняюсь и целую его в обе щеки.

– Я бы не засмеялась.

– Ты все время надо мной смеешься, – говорит он. А потом поднимает голову, притягивает меня поближе, и мы целуемся вверх ногами, как в фильме «Человек-паук».

– Тебе нравится, когда я над тобой смеюсь?

Он улыбается и пожимает плечами.

---

⁸ Традиционная для Хэллоуина игра, когда дети в костюмах ходят по домам и собирают сладости.

Глава 4

НАСТУПАЕТ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ ВЫПУСКНИКОВ. В эту неделю у каждого дня есть своя тема, и сегодня это «дух школы». Я надеваю куртку спортивной команды Питера и заплетаю волосы в косички с лентами цветов нашей школы – голубого и белого. Питер раскрасил лицо в те же цвета. Когда он утром забирал меня из дома, я вскрикнула.

Во вторник у нас – семидесятые, в среду – пижамный день, в четверг – костюмы разных персонажей (этого дня я жду особенно сильно), а в пятницу мы отправляемся в поездку с классом. Мы выбирали между Нью-Йорком и Диснейлендом, но Нью-Йорк победил. Мы заказали автобус и собираемся устроить долгие выходные, на три дня. Время идеальное, потому что весь класс сходит с ума, ожидая ответов от колледжей, и нам всем нужно отвлечься. Кроме тех, кто подавал документы заранее и уже знает, куда поступил. Например, Питер или Лукас Крапф, который пойдет в университет имени Сары Лоуренс. Большинство остается учиться в штате. Как всегда говорил наш школьный психолог, какой смысл жить в Вирджинии и не пользоваться тем, что рядом столько хороших университетов? Я считаю, это здорово, что нас не разбрасает по всем сторонам света.

В обед в столовой ансамбль а капелла поет серенаду одной девочке из одиннадцатого класса. Они играют мелодию «Будешь ли любить меня завтра?», но со словами «Пойдешь ли ты со мной на выпускной, Джина?». Мы с Питером останавливаемся послушать, прежде чем встать в очередь за едой. До выпускного еще несколько месяцев, но выпускники уже всю приглашают друг друга. Пока самое внушительное было на прошлой неделе, когда Стив Блел взломал радиоточку и заменил все записанные на день объявления вопросом «Ты пойдешь со мной на выпускной, Лиз?». У компьютерщиков ушло два дня, чтобы все исправить. Только сегодня утром Дарелл наполнил шкафчик Пэмми красными розами и выложил на двери лепестками вопрос «Выпускной?». Уборщик на него за это накричал, но фотографии в «Инстаграме» Пэмми выглядели потрясающе. Не знаю, что планирует Питер. Он не склонен к романтическим жестам.

В очереди в столовой Питер тянется за брауни, и я говорю:

– Не надо, я принесла печенье.

Он в восторге.

– Можно мне сразу одно? – спрашивает он. Я достаю контейнер из сумки, и Питер берет печенье. – Давай не будем ни с кем делиться?

– Уже поздно, – говорю я, потому что его друзья нас заметили.

Пока мы идем к столу, Дарелл поет: «Ее печенье приманивает всех мальчиков во двор». Я ставлю контейнер на стол, и ребята дерутся за него, расхватывая печенье и заглатывая его как тролли. Пэмми удается перехватить одно.

– Вы животные, – говорит она.

Дарелл запрокидывает голову и издает звериный рык, и она хихикает.

– Потрясающе, – стонет Гейб, слизывая крошки с пальцев.

Я скромно говорю:

– Неплохо получилось. Но не идеально. – Отломив кусочек от печенья Питера, я добавляю: – Они вкуснее, когда прямо из духовки.

– Пожалуйста, приходи ко мне домой, испеки мне печенье, чтобы я знал, какие они прямо из духовки. – Гейб кусает следующее печенье и закрывает глаза в экстазе.

Питер берет еще одно.

– Хватит есть печенье моей девушки!

Прошел уже год, а я до сих пор испытываю восторг, когда он называет меня своей девушкой.

– Если и дальше будешь так на него налегать, у тебя появится живот, – говорит Дарелл. Питер откусывает печенье, закатывает футболку и гладит себя по животу.

– Как стиральная доска!

– Повезло тебе, Лардж, – говорит Гейб.

Дарелл качает головой:

– Нет, это Кавински повезло.

Питер ловит мой взгляд и подмигивает, и у меня чаще бьется сердце.

Мне кажется, что когда я доживу до возраста Сторми, то буду постоянно вспоминать такие моменты: как Питер склоняет голову и кусает печенье, как солнце, льющееся в окно столовой, играет на его русых волосах, как он на меня смотрит.

После уроков у Питера тренировка по лакроссу, а я сижу на трибунах и делаю уроки. Из всей команды только Питер продолжит после школы играть в команде первого эшелона, и тренер Уайт уже рыдает над тем, что останется от команды, когда Питер выпустится. Я не понимаю всех нюансов игры, но знаю, когда аплодировать, а когда улюлюкать. Мне просто нравится смотреть, как он играет. Он считает, что каждый удар станет голом, и обычно так и получается.

Папа и мисс Ротшильд официально встречаются с прошлого сентября. Китти в восторге и при любой возможности напоминает, что это она их свела.

– Это был мой гениальный план! – хвастается она.

Не могу не признать: у нее богатая фантазия. Меня и Питера она тоже сумела свести снова после расставания, несмотря на все преграды, и теперь мы любим друг друга.

Хотя у них мало общего, мисс Ротшильд и папа удивительно подходят друг другу. Это похоже на меня с Питером. Близость сводит людей. Двое одиноких соседей, «Нетфликс», пара собак, бутылка белого вина. По-моему, это прекрасно. Теперь, когда в жизни папы есть мисс Ротшильд, событий куда больше. Они все время куда-то ходят, чем-то занимаются. В субботу утром, пока мы все спим, они идут гулять в лес и смотреть на рассвет. Раньше папа не увлекался прогулками по лесу, но теперь относится к ним с энтузиазмом. Они ужинают в ресторанах, ездят на винзаводы, встречаются с друзьями мисс Ротшильд. Конечно, ему по-прежнему нравится сидеть дома и смотреть документальные фильмы, но теперь в его мире есть многое другое – и ему уже не так одиноко. Хотя я не замечала, что он был одинок все восемь лет после маминой смерти. Но наверняка так и было, если сравнить с тем, сколько у него теперь энергии. Мисс Ротшильд ужинает с нами несколько раз в неделю, и уже странно не видеть ее за столом в кухне. Нам уже не хватает ее низкого, глубокого смеха, ее бокала белого вина рядом с папиным пивом.

Тем вечером после ужина я достаю на десерт печенье и мороженое. Папа спрашивает: «Снова печенье?», и они с мисс Ротшильд обмениваются выразительными взглядами. Размазывая ложкой ванильное мороженое по печенью, папа продолжает:

– В последнее время ты много печешь. Наверное, нервничаешь из-за ожидания ответа от университета.

– Это никак не связано, – говорю я. – Я просто пытаюсь усовершенствовать свой рецепт печенья. Радуйтесь количеству выпечки.

– Знаешь, – начинает папа, – я читал, что процесс выпечки очень успокаивает. Это связано с повторением действий при отмеривании ингредиентов и творческим элементом. Психологи называют это поведенческой активацией.

– Главное – чтобы помогало, – говорит мисс Ротшильд, отламывает кусочек печенья и закидывает в рот. – Я хожу на велотренажеры «Соул-сайкл»⁹, это меня успокаивает.

---

⁹ Особый вид тренировок на велотренажерах, главная цель которых – получить не только физическую нагрузку, но и

Если бы здесь была Марго, она бы закатила глаза. Однажды мисс Ротшильд уговорила меня пойти с ней. Я все время сбивалась с ритма.

– Лара Джин, тебе стоит снова со мной пойти. У нас новый инструктор, она ставит музыку в стиле мотаун¹⁰. Тебе понравится.

– Когда мне можно будет пойти с тобой, Три? – спрашивает Китти.

Она так называет мисс Ротшильд. Я все еще про себя называю ее по фамилии и вслух иногда тоже, но чаще стараюсь называть ее по имени, Трина.

– Когда тебе исполнится двенадцать, – отвечает она Китти. – Таковы правила клуба.

Трудно поверить, что Китти уже одиннадцать, а мне в мае будет восемнадцать. Время так быстро летит. Я смотрю через стол на папу, а он смотрит на Китти, а потом на меня с печальной улыбкой. Наверняка он думает о том же.

Он ловит мой взгляд и поет: «Лара Джин, ни о чем не волнуйся», подражая Стиви Уандеру, как умеет. Мы все стонем. Откусывая от самодельного сэндвича с мороженым, папа говорит:

– Ты все сделала правильно, и все получится как надо.

– Не может такого быть, чтобы университет Вирджинии тебе отказал, – говорит мисс Ротшильд.

– Постучите по дереву. – Китти сама стучит костяшками пальцев по столу. – И ты тоже, Лара Джин.

Я послушно стучу.

– Что это вообще значит, откуда эта примета?

Папа оживает.

– Считается, что она пришла из греческой мифологии. Согласно греческим мифам, дриады жили в деревьях и люди обращались к ним за защитой. Поэтому мы и стучим по дереву: просим дополнительной защиты, чтобы не искушать судьбу.

Теперь мы все обмениваемся взглядами. Папа такой заучка. А мисс Ротшильд рядом с ним кажется молодой, хотя у них не такая уж большая разница в возрасте. Однако они ладят.

* * *

Той ночью я не могу уснуть и лежу в постели, снова перебирая в голове внеклассные занятия, которые перечислила в документах для университета. Лучшие из них – работа в Бельвю и стажировка в библиотеке в прошлом году. Результаты квалификационных экзаменов у меня лучше, чем средний проходной балл университета. Марго приняли, а у нее было всего на сорок баллов больше. У меня пятерка за экзамен по углубленному изучению истории. Я знаю людей, которых принимали в университет Вирджинии с меньшим баллом.

Надеюсь, мое эссе привлечет комиссию. Я написала про маму, сестер и то, как мама на нас повлияла: и когда была жива, и после смерти. Миссис Дюваль сказала, что это лучшее эссе, которое она читала, но она всегда питала слабость ко мне и моим сестрам, так что кто знает.

Я еще несколько минут ворочаюсь с боку на бок и наконец скидываю одеяло и встаю. Иду в кухню и принимаюсь отмерять муку для печенья с шоколадной крошкой.

душевное расслабление.

¹⁰ Особое направление ритм-энд-блюза, созданное в 1960-х годах.

Глава 5

ЧЕТВЕРГ – ДЕНЬ ПЕРСОНАЖЕЙ, и я ждала его всю неделю. Мы с Питером часами обсуждаем, кем будем. Я предлагаю Александра Гамильтона и Элизабет Скайлер¹¹, но отказываюсь от этой мысли, когда понимаю, как дорого стоит аренда костюмов колониальной эпохи. Парные костюмы, кажется, становятся моей любимой частью отношений, после поцелуев, поездок на машине и самого Питера.

Он хотел нарядиться Человеком-пауком, а я бы надела рыжий парик и была Мэри-Джейн Уотсон. Вообще-то, он предложил это потому, что костюм у него уже был. Раз он спортсмен, почему бы не дать людям то, чего они хотят, и не продемонстрировать его шикарную фигуру? (Это его слова, а не мои.) В конце концов мы решили одеться Тайлером Дерденом и Марлой Сингер из «Бойцовского клуба». Эту идею подала моя лучшая подруга Крис. Мы с ней и Китти смотрели фильм у меня дома, и Крис сказала: «Вы с Кавински должны одеться этими психами» и что это всех шокирует. По крайней мере, если я так оденусь. Сначала я отказалась, потому что Марла не азиатка, а я всегда одеваюсь в костюмы азиатов, но потом мама Питера нашла на распродаже красный кожаный пиджак, и все сложилось само собой. Мисс Ротшильд одалживает мне вещи из своего гардероба для костюма, потому что в девяностых она была молодой.

Сегодня утром мисс Ротшильд приходит до работы, чтобы помочь мне собраться. Я сижу в кухне за столом в ее черном узком платье, жакете из искусственного мохера и в парике, который Китти увлеченно ерошит, чтобы придать ему растрепанный вид, словно я только что встала с кровати. Я отталкиваю ее руки с муссом для волос, а она говорит: «Но образ этого требует!».

– Тебе повезло, что я ничего не выбрасываю, – говорит мисс Ротшильд, прихлебывая кофе из термоса. Из пакета она достает пару туфель на очень высокой платформе. – В двадцать лет я была королевой Хэллоуина. Могла собрать любой костюм. Теперь твоя очередь носить мою корону, Лара Джин.

– Вы все равно можете быть королевой, – говорю я.

– Нет, костюмы и маскарады – это для молодых. Если я сейчас оденусь сексуальным Шерлоком Холмсом, то буду выглядеть жалко. – Она взъерошивает мой парик. – Все в порядке. Мое время прошло. Китти, как думаешь, не добавить ли серых теней?

– Давайте не будем перегибать палку, – говорю я. – Я все-таки в школу иду.

– Костюм для того и надевают, чтобы перегнуть палку, – легкомысленно заявляет мисс Ротшильд. – Сделай много фотографий. Пришли мне, чтобы я могла похвастаться на работе. Все будут в восторге... Господи, работа! Сколько времени?

Мисс Ротшильд всегда опаздывает. Папу это сводит с ума, потому что он всегда все делает на десять минут раньше. И все равно!

Когда за мной приезжает Питер, я открываю дверь со стороны пассажирского сиденья и вскрикиваю: он стал блондином!

– Господи! – не могу не кричать я, трогая его волосы. – Ты их осветлил!

Он самодовольно ухмыляется.

– Это краска-спрей, мама ее для меня нашла. Пригодится, когда мы будем Ромео и Джульеттой на Хэллоуин. – Он оценивающе рассматривает меня и мой костюм. – Мне нравятся эти туфли. Очень сексуально.

Я чувствую, что краснею.

– Молчи!

---

¹¹ Александр Гамильтон (1755–1804) – американский политик, один из отцов-основателей США; Элизабет Скайлер – его жена. Они также являются главными героями популярного мюзикла «Гамильтон».

Отъезжая от дома, он косится на меня снова и говорит:

– Это правда.

Я толкаю его в плечо.

– Я хочу одного – чтобы меня и мой костюм узнали.

– Не волнуйся, я прослежу, – успокаивает он меня.

Когда мы входим в коридор школы, Питер включает песню «Where Is My Mind?» группы Pixies, и нам аплодируют. Никто не спрашивает, из какой манги мой персонаж.

После уроков мы с Питером валяемся на диване. Он все еще в костюме, а я переоделась в обычную одежду.

– У тебя всегда такие милые носки, – говорит он, приподнимая мою правую ногу. Сейчас они серые, в белый горошек и с желтыми мишками.

Я гордо сообщаю:

– Моя двоюродная бабушка присылает их из Кореи. В Корее делают все самое милое.

– Можешь попросить ее прислать и для меня? Не с мишками, а, например, с тиграми.

Тигры – это круто.

– Для таких милых носочков у тебя слишком большие ноги. Ты их порвешь большим пальцем. Но я уверена, что можно найти тебе подходящие носки... например, в зоопарке.

Питер садится и принимает меня щекотать. Я ахаю, но пытаюсь продолжать:

– Уверена, что панды... или гориллы... как-то греют ноги... зимой. Может, у них есть и технология дезодорантов для лап! – Меня одолевает смех. – Хватит, хватит!

– Тогда перестань говорить гадости про мои ноги!

Я засовываю руку ему под футболку и яростно принимаюсь щекотать. Но тем самым подставляюсь новым атакам.

– Ладно, ладно, перемирие! – кричу я.

Питер останавливается, и я притворяюсь, что тоже остановилась, но украдкой щекочу его подмышку, и он издает высокий визг, совершенно ему несвойственный.

– Ты же сказала – перемирие! – возмущенно говорит он. Мы оба киваем и укладываемся обратно, переводя дыхание. – Ты правда считаешь, что мои ноги плохо пахнут?

Нет, не считаю. Мне нравится, как он пахнет после матча – потом, травой, собой. Но дразнить его весело, тогда у него на лице на долю секунды появляется неуверенное выражение.

– После игры бывает... – говорю я. Питер нападает снова, и мы сражаемся и смеемся, когда входит Китти с подносом, на котором бутерброд с сыром и стакан апельсинового сока.

– Занимайтесь этим в комнате, а не на людях, – говорит она, усаживаясь на пол.

Я отодвигаюсь и сердито смотрю на нее.

– Мы ничего такого не делаем, Кэтрин.

– Твоя сестра говорит, что у меня воняют ноги, – говорит Питер, тыкая ногой в ее сторону. – Она врет, правда?

Китти отбивает его ногу локтем.

– Я не буду нюхать твои ноги. – Ее передергивает. – Вы извращенцы.

Я с воплем кидаю в нее подушкой. Она ахает.

– Тебе повезло, что ты не опрокинула мой сок! Папа тебя убьет, если ты опять испачкаешь ковер. Помнишь, как разлила лак для ногтей?

Питер ерошит мне волосы.

– Неуклюжая Лара Джин.

Я отталкиваю его руку.

– Вовсе нет. Это ты вчера у Гейба споткнулся о собственные ноги на пути к пище.

Китти хихикает, и Питер кидает в нее подушкой.

– Хватит объединяться против меня! – восклицает он.

– Ты останешься на ужин? – спрашивает Китти, когда перестает хихикать.
– Не могу. Мама готовит стейк из курицы.
– Повезло! – Китти шире раскрывает глаза. – Лара Джин, что у нас на ужин?
– Я вот прямо сейчас размораживаю куриную грудку, – говорю я. Она морщится. – Если тебе не нравится, научись готовить сама. Я не смогу готовить тебе ужин, когда уеду в колледж.
– Да ладно. Ты наверняка каждый вечер будешь приезжать. – Она поворачивается к Питеру. – Можно я приду к тебе ужинать?

– Конечно, – отвечает он. – Вы обе можете.

Китти начинает радоваться, но я ее обрываю.

– Если мы пойдем, папе придется ужинать одному. Сегодня у мисс Ротшильд велотренажеры.

Китти кусает свой бутерброд.

– Тогда сделаю еще один бутерброд. Не хочу есть старую размороженную курицу.

Я резко сажусь на диване.

– Китти, я приготовлю что-нибудь другое, если завтра утром ты заплетешь мне волосы. Я хочу особую прическу для Нью-Йорка.

Я никогда не была в Нью-Йорке. Когда мы в последний раз ездили в отпуск всей семьей, я хотела в Нью-Йорк, но большинство голосов было за Мексику. Китти хотела есть рыбные тако и плавать в океане, а Марго – осматривать руины майя и совершенствовать свой испанский. В итоге я была даже рада результату. До этой поездки мы с Китти ни разу не выезжали из страны и никогда не видели такой синей воды.

– Заплету, но только если у меня останется время после моей прически, – заявляет Китти. На большее не стоило и надеяться. Она так хорошо делает прически...

– Кто будет заплетать мне волосы в колледже? – задумчиво спрашиваю я.

– Я могу, – уверенно отвечает Питер.

– Ты не умеешь, – фыркаю я.

– Ребенок меня научит. Научишь, ребенок?

– Не бесплатно, – говорит Китти.

Они торгуются и наконец решают, что Питер отведет Китти и ее подружек в кино в субботу. Вот так и получается, что я сижу, скрестив ноги, на полу, а Питер и Китти – на диване, у меня за спиной; Китти показывает, как плести французскую косичку, а Питер снимает процесс на телефон.

– Теперь ты попробуй, – говорит она.

Прядки все время ускользают от него, и Питер раздражается.

– У тебя много волос, Лара Джин.

– Если французская косичка не получается, я научу тебя чему-нибудь попроще, – говорит Китти, не скрывая снисхождения в голосе. Питер тоже его слышит.

– Нет, я справлюсь. Дай попробовать. Я освою французскую косичку, как освоил французские поцелуи. – Он мне подмигивает.

Мы с Китти хором на него кричим.

– Не говори об этом перед моей сестрой! – восклицаю я, толкая его в грудь.

– Я пошутил!

– И ты не так хорошо целуешься по-французски. – Хотя на самом деле хорошо.

Питер смотрит на меня с выражением «кого ты пытаешься обмануть?», и я пожимаю плечами, потому что «кого я пытаюсь обмануть?».

Позже я провожаю Питера к машине. Он останавливается перед пассажирской дверью и спрашивает:

– Эй, скольких парней ты целовала?

– Всего трех. Тебя, Джона Амброуза Макларена, – я произношу это имя быстро, словно отклеиваю пластырь, но Питер все равно успевает нахмуриться, – и кузена Элли Фельдман.

– Того косоглазого?

– Да. Его зовут Росс. По-моему, он симпатичный. У нас была вечеринка с ночевкой у Элли; я поцеловала его на спор. Но мне хотелось.

Питер задумчиво меня рассматривает.

– Значит, меня, Джона и кузена Элли?

– Ага.

– Ты одного забыла, Кави.

– Кого?

– Сандерсона!

Я отмахиваюсь от него.

– Нет, это не считается.

– Росс, кузен Элли Фельдман, которого ты поцеловала на спор, считается, но не Джош, с которым ты мне технически изменила? – Питер грозит мне пальцем. – Ну нет, так не пойдет.

Я его толкаю.

– Мы с тобой тогда не встречались, сам знаешь!

– Это детали, но ладно. – Он косится на меня. – У тебя получается больше человек, чем у меня. Я целовался только с Джен, Джамилой и с тобой.

– А та девочка, с которой ты познакомился, когда ездил на пляж Миртл-Бич с двоюродными родственниками? Анджелина?

На его лице мелькает странное выражение.

– Ах да. Откуда ты про нее знаешь?

– Ты всем этим хвастался!

Это было лето перед седьмым классом. Я помню, что Женевьева с ума сходила, потому что какая-то другая девочка поцеловала Питера раньше, чем она. Мы пытались найти Анджелину в Интернете, но слишком мало про нее знали. Только ее имя.

– Значит, ты целовался с четырьмя девочками. И ты не только целовался, Питер.

– Ну ладно!

Но я уже не могу остановиться.

– Ты единственный, с кем я целовалась по-настоящему. И ты был первым. Первый поцелуй, первый парень, все с тобой первое! Тебе досталось все первое, а мне от тебя – ничего.

Он смущенно говорит:

– Вообще-то это не совсем правда.

Я сощуриваюсь.

– О чем ты?

– Не было никакой девочки на пляже. Я все это придумал.

– Анджелины с большой грудью не было?

– Я не говорил, что у нее большая грудь!

– Говорил. Тревору.

– Ладно, ладно, господа. Но суть не в этом.

– А в чем, Питер?

Он прочищает горло.

– В тот день в подвале Макларенов... У меня это тоже был первый поцелуй. С тобой.

Я резко перестаю смеяться.

– Со мной?

– Да.

Я смотрю на него в упор.

– Почему ты мне не рассказывал?

– Не знаю. Забыл, наверное. И мне стыдно, что я придумал девчонку. Никому не рассказывай!

Меня переполняет теплый восторг. Выходит, первый поцелуй Питера Кавински был со мной. Как чудесно!

Я обвиваю руками его шею и запрокидываю голову в ожидании поцелуя на ночь. Он трется щекой о мою, и я рада, что у него гладкие щеки, пока что ему едва нужно бриться. Я закрываю глаза, вдыхаю его запах, жду поцелуя. А он просто невинно чмокает меня в лоб.

– Спокойной ночи, Кави.

У меня распахиваются глаза.

– И это все?

Он самодовольно отвечает:

– Ты же сказала, что я не так уж хорошо целуюсь.

– Я пошутила!

Он подмигивает мне и садится в машину. Я провожаю его взглядом. Мы уже целый год вместе, но это все еще в новинку. Любить мальчика, который любит тебя в ответ. Это чудесно.

Я не сразу возвращаюсь в дом. На случай если он вернется. Уперев руки в боки, я жду целых двадцать секунд, а потом отворачиваюсь к крыльцу. И тут его машина подъезжает задним ходом и останавливается прямо перед домом. Питер высовывается в окно.

– Ну ладно, – окликает он меня, – давай попрактикуемся.

Я бегу к машине, притягиваю его за рубашку и наклоняю голову навстречу, а потом отталкиваю его и убегаю со смехом. Мои волосы развеваются на ветру.

– Кави! – кричит он вслед.

– На этом все на сегодня! – ехидно отвечаю я. – Увидимся завтра в автобусе!

Вечером, когда мы с Китти чистим зубы в ванной, я спрашиваю:

– По шкале от одного до десяти – как сильно ты будешь по мне скучать, когда я уеду в колледж? Только честно.

– Еще слишком рано об этом говорить, – отвечает она, споласкивая щетку.

– Просто ответь.

– На четыре.

– На четыре! Ты сказала, что по Марго скучаешь на шесть с половиной!

Китти качает головой.

– Лара Джин, почему ты запоминаешь каждую мелочь? Это нездорово.

– Ты могла хотя бы притвориться, что будешь скучать! – восклицаю я. – Ради приличия.

– Марго уехала на другой конец света. Ты будешь в пятнадцати минутах езды, так что я не успею заскучать.

– Все равно!

Она прижимает ладони к сердцу.

– Ну хорошо, я буду скучать по тебе так, что каждую ночь буду плакать!

– Так-то лучше, – улыбаюсь я.

– Я буду скучать так сильно, что перережу запястья! – хохочет она.

– Кэтрин, не говори так!

– Тогда перестань напрашиваться на комплименты, – говорит она и отправляется в постель.

А я остаюсь паковать все, что нужно для поездки в Нью-Йорк. Если меня примут в университет Вирджинии, я, наверное, просто оставлю один набор косметики, кремов и расчесок дома, чтобы не возить их с собой каждый раз. Марго пришлось продумывать все, что она брала с собой в Сент-Эндрюс, потому что Шотландия далеко, и она не могла часто приезжать домой. А я могу взять вещи на осень и зиму, все летнее оставить дома, а потом менять.

Глава 6

УТРОМ ПАПА ОТВОЗИТ МЕНЯ В ШКОЛУ, откуда отправляется автобус.

– Позвони, как только заселишься в комнату, – говорит он, пока мы ждем, когда на светофоре загорится зеленый.

Он дал мне свою кредитную карту на карманные расходы. Мисс Ротшильд одолжила маленький зонтик и портативную зарядку для телефона.

Папа косится на меня и вздыхает:

– Теперь все происходит так быстро. Выпускная поездка, выпускной вечер, выпускная церемония... Совсем скоро ты уедешь из дома.

– У тебя останется Китти, – говорю я, – хотя она и не такой лучик солнца, как я. – Папа смеется. – Если меня возьмут в университет Вирджинии, я все время буду рядом, так что не волнуйся ни о чем. – Последние слова я напеваю, как делает он, подражая Стиви Уандеру.

В автобусе я сажусь с Питером, а Крис – с Лукасом. Я думала, что Крис трудно будет уговорить поехать, особенно если бы мы выбрали Диснейленд. Но она тоже никогда не была в Нью-Йорке, так что это оказалось легко.

Через час пути Питер втягивает всех в игру «Я никогда не...». Я притворяюсь, что сплю, потому что мало что делала из обычных вариантов: наркотики и секс, – а больше в игре ни о чем не спрашивают. К счастью, она довольно быстро заканчивается. Наверное, потому, что скучно играть, если при этом не пить. Я как раз открываю глаза и потягиваюсь, «просыпаясь», когда Гейб предлагает сыграть в «Правду или вызов», и у меня внутри все обрывается.

После скандала с видео в джакузи, разразившегося в прошлом году, меня смущает, что люди могут о нас думать, о том, чем мы занимаемся, о сексе. А «Правда или вызов» в сто раз хуже, чем «Я никогда не...»! Со сколькими людьми ты занималась сексом? Ты когда-нибудь участвовала в сексе втроем? Сколько раз в день ты мастурбируешь? Если такие вопросы зададут мне, придется сказать, что я девственница. Обычно, когда начинают играть на вечеринке, я ускользаю на кухню. Но в автобусе сбежать некуда, я в ловушке.

Питер смотрит на меня с насмешкой. Он знает, о чем я думаю. Он говорит, что его не заботит то, что думают люди, но я-то знаю, что это неправда. Питера всегда очень заботило, что о нем думают.

– Правда или вызов? – спрашивает Гейб Лукаса. Лукас отпивает свою витаминизированную воду.

– Правда.

– Ты когда-нибудь занимался сексом с парнем?

Я напрягаюсь всем телом. Лукас – гей и не скрывает этого, но и не кричит об этом на каждом углу. Он не хочет постоянно объяснять людям, кто он такой. Это никого не касается.

Короткая пауза – и Лукас говорит:

– Нет. Ты предлагаешь?

Все смеются, и у Лукаса на губах легкая улыбка, но я вижу, как напряжены его шея и плечи. Тяжело, наверное, все время быть настороже на случай таких вопросов: все время готовиться уйти от темы, улыбнуться или посмеяться. По сравнению с этим моя девственность – сушая ерунда. Но я все равно не хочу отвечать.

Я молюсь, чтобы Лукас выбрал для следующего вопроса меня, потому что он обойдется со мной мягко. Но, наверное, он не замечает моих умоляющих взглядов, потому что выбирает Женевьеву, которая сидит на несколько рядов дальше, уткнувшись в телефон. Она встречается с парнем, который ходит с ней в одну церковь. Он учится в другой школе, поэтому они не так много видятся. От Крис я слышала, что ее родители развелись и отец переехал в новую

квартиру со своей девушкой. Крис рассказывала, что у матери Женеьевы случился нервный срыв, несколько дней она лежала в больнице, но теперь все в порядке. Я за нее рада. Питер послал ее маме букет нарциссов, когда ее выписали, и мы вместе придумывали, что написать на открытке. В итоге написали просто: «Скорого выздоровления, Венди! Питер». Это я предложила послать цветы и даже добавила денег, но, конечно, не стала подписывать открытку. Просто мне всегда нравилась Венди: она была ко мне добра, когда я была ребенком. При виде Женеьевы у меня все еще что-то сжимается внутри, но не так сильно, как раньше. Я знаю, что мы больше никогда не будем подругами, и смирилась с этим.

– Джен! Правда или вызов? – окликает ее Лукас.

Она поднимает голову и автоматически говорит «вызов». Конечно, Женеьева выбирает вызов: ее можно назвать кем угодно, но не трусихой. Я готова на все, лишь бы не отвечать на вопросы про секс, поэтому тоже, наверное, выберу вызов.

Лукас велит Женеьеве сесть рядом с мистером Джайном и положить голову ему на плечо.

– Только так, чтобы все поверили, – подчеркивает он. Все валяются от хохота. Видно, что Женеьева очень не хочет этого делать, но она не трусиха.

Мы все смотрим, как она идет по проходу и останавливается рядом с мистером Джайном. Он учитель биологии, начал работать в нашей школе только в этом году. Довольно молодой и красивый, ходит в школу в узких джинсах и рубашках. Женеьева садится рядом с ним и заводит разговор. Мне виден только ее затылок. А потом она придвигается поближе и кладет голову ему на плечо. Он подсказывает, как испуганный кот. Все смеются. Мистер Джайн оглядывается и качает головой, с явным облегчением понимая, что это шутка.

Женеьева возвращается с победоносным видом, садится на место и осматривается. На секунду мы встречаемся взглядами, и у меня замирает сердце. Но она просто отводит взгляд.

– Правда или вызов, Крисси?

– Это тупая игра, – говорит Крис. Женеьева смотрит на нее в упор, вызываясь поднять брови, и Крис наконец закатывает глаза и говорит:

– Да ладно уж, правда.

Когда они сталкиваются лбами, как сейчас, невозможно не заметить их родства: они двоюродные сестры.

Женеьева обдумывает вопрос не торопясь и наконец наносит удар:

– Ты правда играла в доктора с нашим кузенком Алексом в третьем классе? Без обмана.

Все улюлюкают, а у Крис лицо становится ярко-красным. Я с сочувствием смотрю на нее. Я знаю ответ.

– Правда, – бормочет она, и все воют от смеха.

К счастью для меня, в этот момент мистер Джайн встает и вставляет диск в DVD-плеер, и игра заканчивается прежде, чем до меня доходит очередь. Крис оборачивается и тихо говорит мне:

– Тебе повезло.

– Я знаю, – шепчу я в ответ, и Питер смеется. Пусть смеется – я уверена, что он тоже чувствует облегчение. Не то чтобы он об этом говорил, но вряд ли хочет, чтобы весь класс знал, что мы с ним встречаемся уже год – дольше, если считать период фальшивых отношений, – но до сих пор не занимались сексом.

Почти никто из нашего класса не был в Нью-Йорке, поэтому мы смотрим по сторонам с раскрытыми ртами. Мне кажется, я никогда не была в месте, настолько полном жизни. У этого города сердце бьется по-своему. Не могу поверить, сколько здесь людей и как изысканно все выглядят. Все они выглядят как... как городские. Кроме туристов вроде нас, конечно. Крис пытается делать вид, что ей скучно и ничто не впечатляет, но когда мы все садимся в метро,

чтобы ехать к Эмпайр-стейт-билдинг, она не берется за поручень и едва не падает от внезапной остановки. «Здесь не так, как в Вашингтоне», – бормочет она. Еще бы. Вашингтон – ближайший к Шарлотсвиллу крупный город, но все равно кажется сонным и маленьким по сравнению с Нью-Йорком. Здесь столько можно посмотреть, столько магазинов, в которые можно зайти. Все куда-то спешат. Пожилая дама ругает Питера за то, что он смотрит в телефон на ходу, и все смеются. Похоже, Питеру неловко. От всего этого голова идет кругом.

В Эмпайр-стейт-билдинг я заставляю Питера сделать селфи со мной у лифтов. На вершине небоскреба у меня кружится голова: так мы высоко. Мисс Дейвенпорт советует посидеть пару минут, опустив голову между колен. Это помогает. Когда тошнота проходит, я встаю и иду искать Питера, который оставил меня одну.

Сворачивая за угол, я слышу, как Питер кричит: «Постойте, сэр! Подождите!». Он бежит за охранником, который подходит к лежащему на полу красному рюкзаку.

Охранник подбирает его с пола.

– Это твое? – требовательно спрашивает он.

– Э-э-э, да...

– Почему ты его оставил на полу? – Охранник расстегивает рюкзак и достает плюшевого мишку.

У Питера бегают глаза.

– Положите обратно, пожалуйста. Это для того, чтобы пригласить мою девушку на выпускной. Должно было быть сюрпризом.

Охранник качает головой, бормочет себе под нос и роется в рюкзаке.

– Сэр, пожалуйста, просто сожмите мишку.

– Не собираюсь, – говорит охранник.

Питер протягивает руку и сжимает его сам. Раздается тоненький голос: «Лара Джин, ты пойдешь со мной на выпускной?».

Я зажимаю рот руками от восторга.

Охранник строго говорит:

– Ты в Нью-Йорке, парень. Здесь нельзя оставлять рюкзаки без присмотра ради танцулек.

– Ради выпускного, – поправляет Питер, и охранник смеряет его неодобрительным взглядом. – Извините, можно мне забрать мишку?

Он наконец замечает меня.

– Лара Джин! Скажи ему, что твой любимый фильм «Неспящие в Сиэтле»!

Я подбегаю к ним.

– Это правда мой любимый фильм, сэр! Не выгоняйте его, пожалуйста.

Охранник изо всех сил старается не улыбаться.

– Я не собирался его выгонять, – говорит он мне, а Питера предупреждает: – В следующий раз будь осторожнее. В Нью-Йорке мы за всем следим. Если что-то видим, то говорим об этом, запомни. Это не городок в глуши, откуда вы приехали. Это Нью-Йорк. Мы тут не шутки шутим.

Мы с Питером киваем, и охранник уходит. Как только он пропадает из вида, мы переглядываемся и смеемся до колик.

– Кто-то решил, что мой рюкзак оставил террорист! – говорит Питер. – И испортил мне сюрприз к чертям.

Я вынимаю мишку из его рюкзака и прижимаю к груди. Я так счастлива, что не обращаю внимания на ругательство.

– Получилось замечательно.

– Ты должна была выйти из-за угла и увидеть рюкзак рядом с телескопом. Потом ты бы вынула мишку, сжала и...

– Как я должна была догадаться, что его нужно сжать? – спрашиваю я.

Питер достает из рюкзака смятый кусок бумаги. На нем написано «Сожми меня».

– Отклеилось, когда охранник его тряс. Видишь, я обо всем подумал!

Обо всем, кроме того, что нельзя оставлять сумку без присмотра в общественном месте в Нью-Йорке, но все равно! Главное – что он думал обо мне. Я сжимаю мишку, и он снова говорит: «Лара Джин, ты пойдешь со мной на выпускной?».

– Да, Говард, пойду. – Говардом звали мишку в «Неспящих в Сиэтле».

– Почему ты говоришь «да» ему, а не мне? – спрашивает Питер.

– Потому что это он меня пригласил. – Я выгибаю бровь и жду.

Питер закатывает глаза и бормочет:

– Лара Джин, ты пойдешь со мной на выпускной? Господи, какая ты капризная...

Я протягиваю ему мишку.

– Пойду, но сначала поцелуй Говарда.

– Кави, нет. Ну пожалуйста.

– Пожалуйста, да! – Я умоляюще смотрю на него. – Как в фильме.

Он ворчит, но подчиняется у всех на глазах, и так я понимаю, что он целиком и полностью мой.

В автобусе на пути в отель в Нью-Джерси Питер шепчет:

– Хочешь после отбоя сбежать и вернуться в город?

По большей части это шутка. Он знает меня: я не из тех, кто сбегает в город в школьных поездках. И поэтому у него распахиваются глаза, когда я отвечаю:

– Как мы доберемся до города? Из Нью-Джерси в Нью-Йорк ходит такси?

Поверить не могу, что думаю об этом. Это совсем на меня непохоже. Я торопливо говорю:

– Нет, нет, глупости. Так нельзя. Мы заблудимся или нас ограбят, придется ехать домой раньше времени, и мы не попадем в Центральный парк...

Питер скептически смотрит на меня:

– Ты правда веришь, что Джайн и Дейвенпорт отправят нас домой?

– Может, и нет, но могут в наказание оставить нас на весь день в отеле, что еще хуже. Не будем рисковать... А что бы мы там делали?

Я просто хочу фантазировать, но Питер мне подыгрывает.

– Можно было бы сходить послушать музыку или посмотреть выступление юмористов. Может, нам бы удалось попасть на какого-нибудь знаменитого комика.

– Хотела бы я сходить на «Гамильтона»¹².

Когда мы проезжали Таймс-сквер, мы с Лукасом чуть шею не сломали, пытаясь разглядеть вывеску «Гамильтона», но не получилось.

– Завтра я хочу купить нью-йоркский бейгл и сравнить с «Бодос». – Бейглы «Бодос» в Шарлотсвилле – легенда, мы ими очень гордимся.

Я опускаю голову ему на плечо, зеваю и говорю:

– Я бы хотела пойти в пекарню «Левайн» и попробовать их печенье с шоколадной крошкой. Говорят, что оно ни на что не похоже. И еще хочу попасть в магазин шоколада Жака Торреса. Его печенье с шоколадной крошкой – лучшее, просто легендарное...

У меня закрываются глаза, и Питер гладит меня по голове. Я уже засыпаю, когда понимаю, что он распутывает косы, которые Китти заколола мне вокруг головы. У меня распахиваются глаза.

– Питер!

– Ш-ш-ш, не просыпайся. Я хочу попробовать...

– Ты не сможешь их уложить так, как было.

– Дай мне попробовать, – говорит он, собирая шпильки в ладонь.

---

¹² «Гамильтон» (2016) – популярный мюзикл.

Но когда мы добираемся до отеля, несмотря на все его старания, косы у меня неровные, слишком свободно заплетены и отказываются держаться на голове.

– Я отправлю фотографию Китти, чтобы она оценила, какой у нее плохой ученик, – говорю я, собирая вещи.

– Не надо! – торопливо говорит Питер, и я улыбаюсь.

Следующий день выдается удивительно теплым для марта. Солнце светит, только-только распускаются первые цветы. Как в фильме «Вам письмо», когда Кейтлин Келли идет на встречу с Джо Фоксом в Риверсайт-парке. Я бы хотела увидеть тот самый сад, в котором они целуются в конце фильма, но вместо этого экскурсовод приводит нас в Центральный парк. Мы с Крис фотографируем мозаику «Вообрази» на Клубничных полях, когда я понимаю, что не вижу Питера. Я спрашиваю у Гейба и Дэррила, где он, но они его тоже не видели. Я отправляю ему эсэмэску, но он не отвечает. Мы вот-вот перейдем на Овечью лужайку, где будет пикник, и я начинаю паниковать: что если мистер Джайн или мисс Дейвенпорт заметят, что его нет?

Питер бегом догоняет нас, когда мы уже почти уходим. У него даже дыхание не сбилось, и то, что мы его чуть не потеряли, его ни капли не заботит.

– Где ты был? – восклицаю я. – Мы чуть не ушли без тебя!

Он торжествующе протягивает мне коричневый бумажный пакет.

– Открой и посмотри.

Я забираю пакет и заглядываю внутрь. Это печенье с шоколадной крошкой от «Левайн», все еще теплое.

– О господи, Питер! Ты такой заботливый!

Я поднимаюсь на цыпочки и обнимаю его, а потом оборачиваюсь к Крис.

– Правда, он заботливый, Крис?

Питер милый, но обычно не настолько. Он сделал два романтических жеста подряд, и похвалить его надо как следует, потому что мальчики хорошо реагируют на поощрение.

Она уже сунула руку в пакет и засовывает кусок печенья в рот.

– Очень заботливый. – Она тянется за вторым куском, но Питер отбирает у нее пакет.

– Черт, Крис! Дай Кави попробовать, прежде чем все съешь!

– А почему ты купил всего одно?

– Потому что оно огромное! И стоит пять баксов за штуку.

– Не могу поверить, что ты сбегал и купил мне печенье, – говорю я. – Ты не боялся, что потеряешься?

– Нет, – с гордостью отвечает он. – Я просто посмотрел по гугл-картам. Немного поплутал, когда вернулся обратно в парк, но мне подсказали. Люди в Нью-Йорке очень дружелюбные. То, что они грубые, – наверное, вранье.

– Да, все, кого мы встречали, очень милые. Кроме леди, которая на тебя накричала за то, что ты смотрел в телефон на ходу, – говорит Крис и хихикает, а Питер хмурится в ответ. Я откусываю большой кусок печенья. Оно больше похоже на лепешку, плотное и с заметным вкусом теста. И тяжелое. Действительно не похоже ни на одно печенье с шоколадной крошкой, которое я пробовала.

– Ну что? – спрашивает Питер. – Каков вердикт?

– Оно уникальное. Отдельная категория.

Я откусываю еще кусок. Мисс Дейвенпорт подходит к нам и торопит, косясь на печенье у меня в руках.

У нашего экскурсовода указка в форме факела статуи Свободы, и он поднимает его в воздух, ведя нас через парк. Волосы у него собраны в хвост, он в жилетке цвета хаки. По-моему, он немного слащавый, но, похоже, мисс Дейвенпорт нравится. Я бы хотела гулять и осматривать город самостоятельно. Но нет. После Центрального парка мы едем на метро в центр и пере-

ходим Бруклинский мост пешком. Пока все стоят в очереди за мороженым в «Бруклин айскрим фактори», мы с Питером сбегает в магазин шоколада Жака Торреса. Это идея Питера. Конечно, я сначала спрашиваю разрешения у мисс Дейвенпорт. Она занята разговором с экскурсоводом и только машет рукой, разрешая. Я чувствую себя такой взрослой, когда иду одна по улицам Нью-Йорка.

В магазине меня охватывает восторг. Наконец я смогу попробовать знаменитое печенье Жака! Я его откусываю: оно плоское, тягучее, плотное. Шоколад собрался наверху и затвердел! Масло и сахар на вкус почти карамелизированные. Райское наслаждение.

– Твой вкуснее, – говорит Питер с набитым ртом, а я шикаю на него и оглядываюсь, проверяя, что девушка у кассы не услышала.

– Не ври, – говорю я.

– Я не вру!

Врет, конечно.

– Я не понимаю, почему мое печенье не такое, – говорю я.

– Наверное, потому, что они готовят в промышленных печах.

Видимо, мне придется принять то, что мое печенье неидеально.

Выходя на улицу, я замечаю через дорогу пекарню «Алмондин», а на другом углу – «Печенье одной девушки». Нью-Йорк и правда город выпечки.

Мы с Питером возвращаемся к магазину с мороженым, держась за руки. Все спустились на пирс, сидят на лавочках, едят мороженое и делают селфи с видом на Манхэттен. Нью-Йорк не перестает удивлять своей красотой.

Наверное, Питер думает о том же, потому что сжимает мою руку и говорит:

– Потрясающий город.

– Потрясающий.

Я крепко сплю, когда раздается стук в дверь. Вздрогнув, я просыпаюсь. За окном еще темно. Крис в соседней кровати не шевелится.

С другой стороны двери раздается голос Питера:

– Кави, это я. Хочешь пойти посмотреть рассвет на крыше?

Я выбираюсь из постели и открываю дверь. Питер стоит на пороге в толстовке университета Вирджинии с двумя стаканчиками: в одном кофе, из другого свисает чайный пакетик.

– Сколько времени?

– Полшестого. Скорее бери куртку.

– Сейчас, две минуты! – шепчу я, бегу в ванную почистить зубы и в темноте пытаюсь нащупать куртку. – Не могу ее найти!

– Можешь надеть мою толстовку, – предлагает Питер с порога.

Крис рычит из-под одеяла:

– Если вы двое не заткнетесь, я вам устрою.

– Извини, – шепчу я. – Хочешь пойти посмотреть на рассвет с нами?

Питер дуется, но Крис не высовывается из-под одеяла и не видит этого.

– Нет. Валите отсюда!

– Прости, сейчас! – говорю я и выбегаю за дверь.

Мы поднимаемся на лифте на крышу. Снаружи все еще темно, но начинает светать. Город только-только просыпается. Питер сразу снимает толстовку, я поднимаю руки, и он надевает ее на меня. Она теплая и пахнет стиральным порошком, который использует его мама.

Питер наклоняется над парапетом и смотрит через реку на город.

– Представь, что мы живем здесь после колледжа. Может, в небоскребе со швейцаром и спортзалом.

– Я не хочу жить в небоскребе. Я хочу жить в браунстоуне¹³ в Вест-Виллидж, рядом с книжным магазином.

– Придумаем что-нибудь, – говорит он.

Я тоже перегибаюсь через край. Я никогда не думала о жизни в Нью-Йорке. До приезда сюда он меня немного пугал. Я представляла, что это город для крепких духом людей, которые не боятся ругаться с другими в метро, или для мужчин в костюмах, работающих на Уолл-стрит, или для художников, живущих в лофтах в Сохо. Но теперь, когда я здесь, все не так страшно. Да и Питер со мной рядом. Я украдкой смотрю на него. Значит, вот как это бывает? Когда влюбишься, то тебя ничто уже не пугает по-настоящему и жизнь кажется морем возможностей!

---

¹³ Браунстоун – характерный для Нью-Йорка тип домов XIX – начала XX века.

Глава 7

ДОРОГА ОБРАТНО В ВИРДЖИНИЮ занимает шесть часов, и большую часть этого времени я сплю. Автобус подъезжает к школе уже затемно. Я вижу припаркованную у ворот папину машину. У нас у всех давно есть собственные машины, мы ездим по городу сами, но когда вот так видишь родителей, которые нас ждут, кажется, что мы снова в начальной школе и приехали с экскурсии. Приятное чувство. По пути домой мы покупаем пиццу. Мисс Ротшильд приходит в гости, и мы с ней, папой и Китти едим перед телевизором.

Потом я разбираю вещи, доделываю оставшиеся уроки, звоню Питеру, а когда ложусь в кровать, ворочаюсь целую вечность. Может, я выпалась в автобусе или дело в том, что в любой момент мне могут написать из университета Вирджинии. У меня не получается заснуть, поэтому я спускаюсь вниз и открываю кухонные шкафчики.

Что можно испечь посреди ночи, чтобы не пришлось ждать, пока масло станет мягким? Неизменный вопрос в моей жизни. Мисс Ротшильд говорит, что нужно просто оставлять масло на столе под крышкой, как делает она; но в нашей семье так не принято, мы убираем масло в холодильник. К тому же слишком мягкое масло не подходит для выпечки, а в Вирджинии весной и летом оно тает быстро.

Наверное, можно наконец попробовать испечь рулеты-брауни с корицей, про которые я давно думала. Рецепт брауни от Кэтрин Хэпберн с щепоткой корицы и завитком мягкого сыра сверху.

Я растапливаю шоколад в пароварке и уже жалею, что взялась за это в такой поздний час, когда в кухню спускается папа. На нем халат из тартана, подаренный Марго на прошлое Рождество.

– Тебе тоже не спится? – говорит он.

– Я пробую новый рецепт. Назову это браулетами с корицей или грехом с корицей.

– Посмотрим, как ты встанешь утром, – говорит папа, потирая затылок.

Я зеваю.

– Знаешь, я подумала: может, ты завтра позвонишь в школу и отпросишь меня, а я выплусь, и потом мы с тобой неторопливо и расслабленно позавтракаем вдвоем, как отец и дочь. Я приготовлю омлет с грибами.

Папа смеется:

– Хорошая попытка. – Он подталкивает меня к лестнице. – Я доделаю твои брулеты или как там они называются. А ты иди в постель.

Я снова зеваю.

– Ты справишься с сырным кремом? – Папа выглядит встревоженно. – Забудь. Я закончу тесто, а печь буду завтра.

– Я помогу, – предлагает он.

– Я уже почти закончила.

– Ну и пусть.

– Ну ладно. Можешь отмерить четверть чашки муки?

Папа кивает и достает мерную чашку.

– Эта для отмеривания жидкости. Нужна та, которая для сухих веществ, чтобы муку можно было выровнять.

Он возвращается к шкафчику и меняет чашки. Я наблюдаю за тем, как он зачерпывает муку и аккуратно проводит по верху ножом для масла.

– Очень хорошо.

– У меня хороший учитель, – говорит он.

Я наклоняю голову.

– Почему ты не спишь, папа?

– А... у меня просто слишком много мыслей в голове. – Он закрывает муку и колеблется, прежде чем спросить. – Как ты относишься к Трине? Она же тебе нравится?

Я снимаю ковшик с шоколадом с огня.

– Очень нравится. Я ее почти люблю. А ты ее любишь?

В этот раз папа не колеблется.

– Люблю.

– Очень хорошо, – говорю я. – Я рада.

У него на лице написано облегчение.

– Хорошо, – отвечает он и повторяет: – Хорошо.

Наверное, у них все серьезно, раз он задает такие вопросы. Может, он хочет предложить мисс Ротшильд жить вместе? Но, прежде чем я успеваю спросить, он говорит:

– Никто никогда не займет место твоей мамы. Ты ведь это знаешь?

– Конечно, знаю.

Я пробую кончиком языка шоколад на ложке. Пока еще слишком горячо. Хорошо, что папа снова полюбил. Он так долго был один, что это казалось естественным, но так лучше. И он счастлив, это сразу видно. Теперь я уже не могу представить его без мисс Ротшильд.

– Я за тебя рада, папа.

Глава 8

ВСЕ УТРО Я ПРОВЕРЯЮ ТЕЛЕФОН, как делают остальные одноклассники целую неделю. Сегодня четверг, и все еще тишина. Приемная комиссия университета Вирджинии всегда рассылает сообщения о зачислении до первого апреля, и в прошлом году они были отправлены в третью неделю марта, так что мое письмо может прийти в любой момент. Обычно они сообщают в социальных сетях, что пора проверить свой личный профиль, ты заходишь в систему и узнаешь свою судьбу.

Когда-то университеты рассылали письма обычной почтой. Миссис Дюваль рассказывала, что родители звонили в школу, когда приходил почтальон, и дети прыгали по машинам и мчались по домам. Есть что-то романтическое в ожидании письма по почте, конверта с твоей судьбой.

Я сижу на уроке французского, сегодня он последний, когда кто-то восклицает:

– Университет Вирджинии пишет в «Твиттере», что решения о приеме разосланы!

Мадам Хант говорит: *Calmez-vous, calmez-vous*¹⁴, – но все встают и хватаются за телефоны, не обращая на нее внимания.

Наступил момент истины. Дрожащими руками я ввожу логин и пароль; пока страница загружается, сердце у меня бьется со скоростью миллион миль в минуту.

В этом году университет Вирджинии получил более 30 000 заявок. Приемная комиссия рассмотрела вашу заявку и тщательно оценила академические и личные достижения и внеклассную деятельность. Хотя у вас очень сильная заявка, мы с сожалением вынуждены сообщить...

Не может быть. Это кошмарный сон, и я вот-вот проснусь. Просыпайся, просыпайся же...

Я слышу голоса людей вокруг как сквозь вату. Из коридора доносится радостный крик. Потом звенит звонок, и все выпрыгивают из-за парт и выбегают за дверь. Мадам Хант бормочет: «Обычно они не рассылают подтверждения до конца уроков». Я поднимаю голову. Она смотрит на меня с грустью и сочувствием, по-матерински. И этот взгляд меня ломает.

Все испорчено. В груди у меня болит, трудно дышать. Все мои планы, все, на что я рассчитывала, уже не воплотить. Я не буду приезжать домой на воскресный ужин, не смогу заниматься стиркой вместе с Китти по выходным, Питер не будет провожать меня на занятия, я не буду читать вечера напролет в библиотеке Клемонс. Все кончено.

Все наши планы рухнули.

Я смотрю на телефон и снова читаю слова «с сожалением вынуждены сообщить...». У меня плывет перед глазами. Но я читаю письмо снова и снова. Меня даже не внесли в список ожидания. Даже этого я не заслужила.

Я встаю, беру сумку и выхожу из класса. Внутри у меня все замерло, но в то же время я чувствую, как бьется у меня сердце, как пульсирует кровь в ушах. Как будто все части тела двигаются и продолжают функционировать, как и должны, но я сама совершенно онемела. Меня не приняли. Я не попала в университет Вирджинии. Я им не подошла.

Я иду к своему шкафчику все еще как в тумане и едва не налетаю на Питера, выходящего из-за угла. Он хватается за плечи.

– Ну что? – У него глаза горят в предвкушении.

Мой голос звучит как будто издали.

– Меня не приняли.

Он раскрывает рот.

---

¹⁴ «Успокойтесь, успокойтесь» (фр.).

– Что?

В горле застрял комок.

– Ага.

– И даже в список ожидания не внесли?

Я мотаю головой.

– Бли-и-ин, – протяжно выдыхает он.

Питер шокирован. Он разжимает руки и явно не знает, что сказать.

– Мне нужно идти, – говорю я, отворачиваясь.

– Постой, я пойду с тобой!

– Нет, не надо. Сегодня у тебя игра на чужом стадионе. Нельзя ее пропускать.

– Кави, мне плевать на игру...

– Нет, не нужно. Просто... я тебе потом позвоню.

Питер тянется ко мне, но я отступаю и торопливо ухожу по коридору. Он зовет меня, но я не останавливаюсь. Мне просто нужно добраться до машины, и там я смогу расплакаться. Но пока нельзя. Еще сто шагов, и потом еще сто...

Я успеваю добраться до парковки. Всю дорогу домой я рыдаю так сильно, что едва вижу дорогу. Приходится свернуть на стоянку возле «Макдоналдса» и поплакать там. Я начинаю осознавать, что это не кошмарный сон, а реальность, и осенью я не пойду в университет Вирджинии с Питером. Все будут так разочарованы. Они все ждали, что меня возьмут. Мы все ожидали, что так и будет. Не надо было всем рассказывать, как сильно я хочу попасть в этот университет. Стоило держать это при себе. Теперь все будут за меня переживать, это в сто раз хуже, чем грустные материнские взгляды мадам Хант.

Дома я беру телефон и иду к себе в комнату. Снимаю одежду, в которой ходила в школу, надеваю пижаму и забираюсь в кровать. Смотрю на экран. Я пропустила звонки от папы, Марго и Питера. Я захожу в «Инстаграм»: там куча постов людей, которые пишут о том, что их приняли в университет Вирджинии. Мою кузину Хэйвен приняли, и она выложила снимок сообщения. Однако она туда не пойдет. Она пойдет в университет Веллесли, он первый в ее предпочтениях. Ей не нужен университет Вирджинии, она подала туда документы на всякий случай. Уверена, что она изобразит сочувствие, когда узнает, что меня не приняли, но в душе будет довольна собой. Эмили Нассбаум приняли. Она выложила фотографию в толстовке университета и кепке. Господи, что, всех приняли? Я думала, что у меня оценки лучше, чем у нее. Наверное, нет.

Через некоторое время я слышу, как открывается дверь, шаги Китти, взбегающей по лестнице. Она распахивает дверь спальни, но я лежу на боку с закрытыми глазами и притворяюсь, что сплю.

– Лара Джин, – шепотом зовет она.

Я не отвечаю. Мне нужно время, прежде чем я смогу посмотреть в лицо ей и папе и сказать, что не справилась. Я заставляю себя дышать глубоко и естественно и слышу, как Китти отступает и тихонько закрывает за собой дверь. Вскоре я засыпаю по-настоящему.

Когда я просыпаюсь, на улице темно. Всегда так тяжело, когда засыпаешь засветло и просыпаешься в темноте. Глаза у меня опухли и болят. Я слышу, как в кухне льется вода и звенит посуда. Я спускаюсь по лестнице и сажусь на ступеньки.

– Меня не взяли в университет Вирджинии, – говорю я.

Папа оборачивается: у него закатаны рукава, руки в пене и взгляд еще печальнее, чем у мадам Хант. Отеческий взгляд. Он выключает воду и подходит к лестнице, поднимает меня на ноги и сжимает в объятиях. Руки у него все еще мокрые.

– Мне так жаль, милая, – говорит он. Мы почти одного роста, потому что я стою на ступеньках. Я стараюсь не расплакаться, но, выпустив из объятий, он берет меня под подбородок

и с тревогой всматривается в лицо. У меня уходят все силы, чтобы не сорваться. – Я знаю, как ты этого хотела...

Я сглатываю снова и снова, чтобы сдержать слезы.

– До сих пор кажется, что это неправда.

Он отводит волосы у меня с лица.

– Все будет хорошо, обещаю.

– Просто я... так не хотела уезжать от всех вас, – выговариваю я и не могу сдержаться, по лицу катятся слезы. Папа стирает их с моих щек. Лицо у него такое, словно он сам вот-вот расплачется, и от этого мне только хуже, потому что я собиралась держать лицо, но не получилось.

Обнимая меня, он признается:

– Я бы эгоистично радовался тому, что ты рядом с домом. Но ты все равно пойдешь в отличный университет, Лара Джин.

– Но не в университет Вирджинии... – шепчу я.

Папа прижимает меня к себе.

– Мне так жаль, – снова говорит он.

Он садится на лестницу рядом со мной, по-прежнему обнимая меня. Китти возвращается с улицы, где выгуливала Джейми Фокс-Пикла. Она переводит взгляд с меня на папу и выпускает поводок.

– Тебя не приняли?

Я вытираю лицо и пытаюсь пожать плечами.

– Нет. Не суждено, наверное.

– Мне очень жаль, – говорит она едва слышно, с полным печали взглядом.

– Иди хотя бы обними меня, – отвечаю я. Она так и делает. Мы долго сидим втроем на лестнице. Папа обнимает меня за плечи, рука Китти лежит у меня на колене.

Папа делает мне сэндвич с индейкой, я съедаю его, возвращаюсь к себе в комнату, снова сажусь на кровать и смотрю в телефон. Тут раздается стук в окно. Это Питер, пока еще одетый в спортивную форму. Я вскакиваю открыть окно. Он забирается внутрь, всматривается в мое лицо и говорит:

– Привет, крольчонок.

Так он зовет меня, когда я плачу. Меня это смешит. Я тянусь его обнять, но он предупреждает:

– Сейчас не стоит, я не успел принять душ после игры. Сразу поехал сюда.

Я все равно его обнимаю. Пахнет он совсем не плохо.

– Почему ты не позвонил в дверь? – спрашиваю я, обхватив его за талию и глядя снизу вверх.

– Думал, что твоему папе не понравится, что я так поздно пришел. Ты в порядке?

– Вроде того. – Я отпускаю его и сажусь на кровать, а он садится за стол. – Не особенно.

– Я тоже... – Долгая пауза, а потом Питер говорит: – Мне кажется, что днем я сказал тебе что-то не то. Я был не в себе. Просто поверить не мог.

Я не отрываю глаз от покрывала на кровати.

– Знаю. Я тоже.

– Это так тупо! Оценки у тебя куда лучше, чем у меня. Кэри приняли, а ты лучше него!

– Ну я же не играю в лакросс или гольф.

Я пытаюсь не выдать обиду, но это трудно. В сознание прокрадывается предательская мыслишка: несправедливо, что Питера приняли, а меня – нет. Я это больше заслужила. Я больше работала. У меня лучше оценки, выше результат квалификационного экзамена.

– К черту их всех.

– Питер.

– Извини. Ну их всех. – Он протяжно выдыхает. – Ерунда какая-то.

Я автоматически говорю:

– Нет, это понятно. В университет Вирджинии очень большой конкурс. Я на них не сержусь. Просто жалею, что не буду там учиться.

Он кивает.

– Я тоже.

Внезапно я слышу шум воды из туалета, и мы оба замираем.

– Тебе лучше уйти, – шепчу я.

Питер еще раз обнимает меня, а потом вылезает в окно. Я смотрю, как он бежит по улице к своей припаркованной машине. Когда он уезжает, я проверяю телефон. Два пропущенных звонка от Марго и сообщение «Мне очень жаль».

И я снова начинаю плакать, потому что теперь чувствую, что это по-настоящему.

Глава 9

УТРОМ ПЕРВАЯ МОЯ МЫСЛЬ – о том, что я не буду учиться в университете Вирджинии. Теперь я не знаю, что будет дальше. Мне никогда в жизни не приходилось об этом беспокоиться. Я всегда знала, где мое место. Дома.

Лежа в постели, я начинаю составлять в уме список того, что я упускаю из-за того, что не буду учиться в двух шагах от дома. Важные моменты.

Первые месячные Китти. Наш папа – гинеколог, так что он все объяснит, но я ждала момента, когда смогу прочитать Китти лекцию о становлении женщиной, которая ее взбесит. Может, их придется ждать еще год или два. Но у меня они начались в двенадцать, а у Марго – в одиннадцать, так что кто знает? Когда они начались у меня, Марго все мне объяснила про тампоны и что, если боли очень сильные, нужно спать на животе. От ее объяснений мне казалось, что я вступила в тайный женский клуб. Благодаря старшей сестре мой страх взросления был не таким сильным. У Китти не будет рядом ни одной из старших сестер. По крайней мере, у нее есть мисс Ротшильд, и она живет через дорогу. Китти так привязана к мисс Ротшильд, что, наверное, все равно предпочтет услышать лекцию от нее. Даже если когда-нибудь в будущем папа и мисс Ротшильд расстанутся, я уверена, что от Китти мисс Ротшильд не отвернется. Они крепко сдружились.

Я пропущу день рождения Китти. Я никогда его не пропускала. Нужно будет напомнить папе про традиционный плакат.

Впервые в жизни все девочки Сонг будут жить отдельно друг от друга. Мы, наверное, никогда больше не будем жить втроем в одном доме. Будем приезжать сюда на праздники и каникулы, но это уже не то. Наверное, все изменилось уже тогда, когда Марго уехала в колледж. Конечно, к этому привыкаешь. Китти тоже привыкнет.

За завтраком я то и дело смотрю на нее, запоминая каждую деталь. Длинные ноги, узловатые коленки, то, как она смотрит телевизор с полуулыбкой на лице. Она уже скоро перестанет быть такой юной. Нужно будет сделать с ней что-то особенное, пока я не уехала.

Когда начинается реклама, она косится на меня.

– Что ты на меня так уставилась?

– Просто так. Я буду по тебе скучать.

Китти допивает остатки молока с хлопьями.

– Можно я перееду в твою комнату?

– Что? Нет!

– Но тебя же здесь не будет. Почему твоя комната должна простаивать?

– Почему ты хочешь мою комнату, а не комнату Марго? У нее комната больше.

Китти практичным тоном говорит:

– Твоя ближе к ванной и освещение в ней лучше.

Я боюсь перемен, а Китти их приветствует с распростертыми объятиями. Так она с ними справляется.

– Ты тоже будешь по мне скучать, не притворяйся, – говорю я.

– Я всегда хотела узнать, каково это – быть единственным ребенком, – нараспев говорит она, но когда я хмурюсь, восклицает: – Это шутка!

Я знаю, что Китти ведет себя как обычно, но все равно чувствую укол обиды. Как можно хотеть быть единственным ребенком? Что хорошего в том, что некому согреть тебе ноги в холодную зимнюю ночь?

– Ты будешь по мне скучать, – говорю я скорее себе, чем ей. Она все равно меня не слышит: реклама закончилась, и она снова смотрит свою передачу.

На следующий день в школе я иду напрямик в кабинет миссис Дюваль сообщить новости. Едва увидев мое выражение лица, она говорит: «Присядь-ка» – и закрывает за мной дверь. Садится в кресло рядом с моим.

– Рассказывай.

Я делаю глубокий вдох.

– Меня не приняли в университет Вирджинии.

Казалось бы, после того, как повторяешь это несколько раз, должно стать легче, но нет – только хуже.

Она тяжело вздыхает.

– Я удивлена. Очень, очень удивлена. У тебя была сильная заявка, Лара Джин. Ты прекрасно учишься. Я слышала, что в этом году кандидатов было на несколько тысяч больше, чем в прошлые годы. Однако то, что ты даже не попала в список ожидания, странно.

Я могу только пожать плечами. Своему голосу я сейчас не доверяю. Она наклоняется ближе и обнимает меня.

– Я слышала от человека из приемной комиссии, что университет Уильяма и Мэри будет рассылать решения сегодня к вечеру, будь к этому готова. Еще остаются университет Северной Каролины и университет Ричмонда. Куда еще ты подавала документы? В политехнический?

Я качаю головой.

– В университет имени Джеймса Мэдисона.

– Все это отличные университеты. Все будет в порядке, Лара Джин. Я уверена в этом.

Я не говорю вслух то, что думаю: мы обе были уверены, что я попаду в университет Вирджинии. Вместо этого я только слабо улыбаюсь.

Выходя из кабинета, я вижу возле шкафчиков Крис. Рассказываю ей новости. Она говорит:

– Поехали со мной работать на ферме в Коста-Рике.

В изумлении я прислоняюсь к стене:

– Что?

– Я же тебе рассказывала.

– Нет, не помню.

Я знала, что Крис не будет поступать в университет. Сначала она собирается пойти в муниципальный колледж. Для университета у нее недостаточно высокие оценки, да и желания нет. Но про Коста-Рику она ничего не говорила.

– Я собираюсь сделать перерыв в учебе и поехать работать на ферму. Работаешь пять часов в день, жилье есть, еда есть. Шикарно.

– Но что ты знаешь о работе на ферме?

– Ничего! Это неважно. Главное – быть готовой работать, тебя всему научат. Можно еще поехать работать в школе серфинга в Новой Зеландии или учиться делать вино в Италии. В общем, я могу поехать куда угодно. Разве не потрясающе?

– Да... – Я пытаюсь улыбнуться, но лицо как будто стянуто. – Твоя мама не против?

Крис ковыряет заусенец.

– Неважно, мне уже восемнадцать. У нее нет выбора.

Я сомневаюсь. У Крис строгая мама. Мне трудно представить, чтобы она согласилась с этим планом.

– Я сказала, что проработаю год, а потом вернусь и пойду в муниципальный колледж Пьемонта, а оттуда переведусь в четырехлетний колледж¹⁵, – признается она. – Но кто знает,

---

¹⁵ Муниципальный колледж предоставляет профессионально-техническое образование, срок обучения – два года. Для получения высшего образования и степени бакалавра нужно закончить четырехлетнее обучение в университете.

как все сложится? Год – это долгий срок. Может, я выйду замуж за диджея, или присоединюсь к группе, или начну свою линию модных бикини.

– Какие гламурные занятия.

Мне бы хотелось за нее порадоваться, но я не могу себя заставить. Хорошо, что у Крис есть планы. Это не похоже на то, что делают остальные наши одноклассники. Такое ощущение, что все вокруг меня меняется самым неожиданным образом, а я хочу, чтобы все оставалось как раньше.

– Ты будешь мне писать? – спрашиваю я.

– Буду присылать тебе снэпчаты¹⁶.

– У меня нет «Снэпчата», и это не одно и то же, – я легонько ее пинаю. – Присылай мне открытки из всех мест, в которых окажешься. Пожалуйста.

– Кто знает, будет ли там почта? Не знаю, как работает почта в Коста-Рике.

– Хотя бы попытайся.

– Попытаюсь, – соглашается она.

В этом году я мало времени проводила с Крис. Она нашла работу хостес¹⁷ в «Эплбис»¹⁸ и тесно сошлась с коллегами. Они старше, у некоторых есть дети, и они сами зарабатывают себе на жизнь. Я уверена, что Крис никому из них не рассказывает, что живет с родителями и счета оплачивает не сама. Когда я заходила к ней с месяц назад, одна из официанток сказала, что надеется, что ее заработка за вечер хватит заплатить за аренду, и посмотрела на Крис с выражением «знаешь, как это бывает». Крис кивнула, как будто знает. Мой вопросительный взгляд она предпочла не заметить.

Звонит предупредительный звонок, и мыдвигаемся в сторону класса.

– Кавински, наверное, с ума сходит, оттого что ты не поступила, – говорит Крис, мимоходом оценивая свое отражение в стекле. – Значит, придется вам встречаться на расстоянии?

– Ну... да. – У меня все сжимается в груди. – Наверное.

– Тебе обязательно нужно оставить здесь своих людей, чтобы присматривать за ним, – говорит она. – Шпионов. Кажется, Джиллиан Макдугал поступила. Она согласится.

Я неодобрительно смотрю на нее.

– Крис, я доверяю Питеру.

– Знаю, но я не про него говорю! А про всяких девчонок на его этаже в общежитии. Будут к нему заходить. Оставь ему свою фотографию для компании. Ты ведь понимаешь, о чем я? – Она хмурится. – Понимаешь же?

– Сексуальную фотографию? Ни за что! – Я отхожу от нее подальше. – Ладно, мне надо в класс.

Мне совершенно не хочется думать про Питера и каких-то девчонок. Я все пытаюсь привыкнуть к мысли, что осенью мы будем в разных университетах.

---

¹⁶ Snapchat – мобильное приложение обмена сообщениями с прикрепленными фото и видео.

¹⁷ Лицо компании, администратор, первый, кто встречает гостей в ресторане или кафе.

¹⁸ Applebee's – американская сеть ресторанов и гриль-баров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.